Намалья Романова

талию, а где у Петьки талия-то?

Наталья Романова родилась в селе Леуши Кондинского района Тюменской области. Оакончила Уральский государственный педагогический университет. Специалист по социальной работе, по второму образованию — учитель экологии. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

ДОГНАТЬ АМЕРИКУ

Иной раз глянешь по сторонам — сколько хлама! Быт засорен до предела. Не знаю, как ваш, но мой точно. Особенно когда переезжали, ужаснулась. Неделю разбирали кулечки, мешочки, кульки и мешки. А выкинуть жаль, рука не подымается. Вот и копится годами, десятилетиями, складируется, пылится, разъедается молью. Но я-то еще цветочек по сравнению с моими знакомыми. Там не то что ягоды, там баобабы житейского хлама.

Однажды приехала я к своим знакомым хламистам Сорокиным Петьке и Надь-

ке по их же приглашению на выходные. Петька считался бизнесменом. Вообще-то сам он себя этим словом не называл. Я так всегда думала (не вслух, разумеется), что он спекулянт. Перепродавал задорого то, что забулдыги ему приносили за копейки. Но осуждать его — не осуждала. Полстраны у нас только и делает, что перепродает. И я когда-то таким способом зарабатывала на жизнь. Покупала на базе сумки, к примеру, за сто рублей, а в своем магазинчике перепродавала за сто пятьдесят или даже за все двести. Раньше это называлось купечеством.

А Петька и в самом деле похож на купца. Помните картину Василия Перова «Приезд гувернантки в купеческий дом»? Так посреди комнаты на том полотне Петька Сорокин стоит. Только у него бороды нет. А масштабность фигуры та же самая. «Купец» Сорокин носил модные спортивные куртки, но почему-то упорно именовал их сибирками, зная о том, что сибирки носили купцы. Ему было бесполезно вдалбливать – куртки и сибирки – разные вещи. Сибирка шилась в

Многое, что Сорокину приносили почти даром, он тащил домой. Если учесть, что квартира у Сорокиных была хоть и большая, но все же однокомнатная, то все принесенное им в дом ставилось, клалось, крепилось на каждом сантиметре пола, стен и даже потолка. Невозможно пройти из комнаты в кухню, чтобы чего-то не задеть и чтобы чего-то не упало. Да и по всему жилому помещению

стоило очень большого труда. Обычно эти поиски сопровождались ором с обеих сторон и заканчивались тем, что Надька сбрасывала Петькину дребедень с почётных мест.

мельтешили перед глазами. Зато найти важную вещь и действительно нужную

- Вступить некуда в собственном доме, - кричала Сорокина, - того и гляди башку проломишь! «Твою не проломишь, она крепкая, гвозди ею можно забивать!» – думал

- Тебе не нравится? Не нравится, да? Не нравится, что у тебя мужик такой хозяйственный? Все в дом ведь, все в дом несу.

- Ты мне скажи, несун, - не унималась Надька, - где мой паспорт? Мне билеты срочно идти выкупать, а я паспорт второй час ищу! – А я почем знаю? – разводил руками Петька. – Куда положила, там и ищи.

- Вот сюда! - и Сорокина яростно била ладонью по верхушке комода, показывая, где должен был лежать ее паспорт.

-Hy? Баранки гну! Нет его здесь.

Петька, а вслух отвечал:

стоит!

- Так я тут при чем? - искренне недоумевал Надькин муж.

- А при том, не видишь, что ли? На этом месте сейчас статуэтка облезлая

И Надька скидывала эту статуэтку с пьедестала. Ни в чем неповинная жертва летела с полутораметровой высоты и, приземляясь, перевоплощалась в много-

численные черепки. - Вот тебе! Чтоб не повадно было, - говорила Надька, чуть тише, чем ранее.

Сорокин хватался за сердце, махал рукой и уходил на кухню, заваривал себе

чай и молча пил его, отхлебывая понемногу. Потом произносил: – Дура ты! – и удалялся.

И так у Сорокиных происходило постоянно. Он, скупая старый хлам, часто

- Где, где? Ищи!

тащил его домой. Бывало, что продавал, а иногда и раздаривал. Квартира наполнялась, а когда уже трещала по швам, Надька сгребала в мешки статуэточки, вазочки, поделочки и прочую ерунду и оттаскивала на чердак дачи. Сначала она складировала это на балконе, но балкон был уже забит под завязку, а на даче

еще места оставались. Надька никогда не выкидывала эти его безделушки. На

всякий случай. Ведь иногда Сорокин вдруг ни с того ни с чего мог вспомнить о какой-нибудь мелочи, типа подставки под телефон. – Где она? – вопрошал Петька у жены. – Куда опять дела?

- Какая из них? - устало спрашивала Надька.

Петька пояснял, какой именно подставкой он интересуется.

– Да откуда я знаю? Нужна она мне, как телеге пятое колесо.

– Куда дела, спрашиваю? – заводился Сорокин. – Выкинула, поди?

– Ничего я не выкидывала! – возмущалась жена. – На балконе посмотри. Петька мчался на балкон и отрешенно смотрел на груды мешков. Стоило ему

попытаться вытащить хоть какую-нибудь вещь, как сразу все начинало падать. Прибегала Надька и начинала бранить Петьку.

-Вот зачем ты туда лезешь? Еле-еле утрамбовала твои дурацкие побрякушки.

- Где подставка? - не унимался Петька.

мне.

Хотя ему хотелось думать, что она все же покоится где-то на глубине одного из пакетов. Но чаще всего после Надькиных чисток Петька и не замечал пропажи.

Петька, почесав затылок, закрывал балконную дверь, горюя о подставке.

Вещей было много, к тому же они, как правило, не имели своего места и, переставляясь с места на место, ходили по кругу. Я всегда удивлялась засилью вещей в квартире Сорокиных. Сколько денег

в этих мелких покупочках! Уже ни один мерседес в них спрятан, - думалось

Петька в тот раз ослушался. Он зашел в Надькин подъезд, поднялся на соответствующий, как ему показалось, этаж. И давай стучаться. Никто не открывал.

– Так отпил свое, – смеялась я, вспоминая Петькины загулы. Однажды, когда Сорокины еще не были женаты, будущий Надькин муж

- Зато не пьет! - вздыхала Надька.

изрядно накосорезился. И хоть ему пьяному было велено не приходить, все же

Петька еще громче стал тарабанить по двери. Тоже безрезультатно. Ночь на

дворе, Надька должна быть дома. К тому же свет в окне – яркое доказательство

наличия хозяев в квартире. Но тогда почему Надька не открывает?

- Надежда! Открывай! Я знаю, что ты дома! - кричал на весь подъезд пьяный

Петька.

Вдруг ему показалось, что за дверью какое-то шуршание. Она все же дома, но не открывает! Глаза Петьки налились кровью, и он, недолго думая, а по

факту не думая вообще, вышиб дверь квартиры своим шарообразным плечом.

На пороге стоял редкостный бугаина, и тоже пьяный. Страшно злой, поскольку его разбудили. Ни слова не говоря, этот недоспавший человек, видя, что на его

пороге незваный гость, дал такого леща Петьке, что тот вылетел из квартиры и кубарем покатился по ступенькам. И катился до самого выхода из подъезда. Петьку били, а он даже не успевал нанести удар своему противнику. Когда наконец показалась желанная подъездная дверь, Сорокина вышвырнули за нее,

окровавленного. Он, думая, что его сейчас будут преследовать и снова бить, пустился наутек. Бежал, бежал, бежал, покуда не выдохся. Упал в траву и уснул. Утром еле очухался. Хорошо, хоть кости целы. Голова гудит. Ломота страшная. Нос разбит. Вспомнил, что было вчера. Как пил с друзьями, как пришел к Надьке,

как вынес дверь квартиры, как его унизительно вытолкали взашей.

- Загуляла, дрянь! - бормотал Петька, опохмеляясь в стекляшке с алкашами. – Видеть ее не хочу больше.

И Надька была злая на Петьку. Ведь он вышиб дверь соседа, жившего этажом ниже. Потом как-то все выяснилось, Надька с Петькой помирились и старались

этот случай не вспоминать. И сколько еще было подобных происшествий... Сейчас Сорокина радовалась тому, что муж не пьет, но эти статуэточки бес-

численные и бесконечные выводили ее из себя. Так вот, когда я приехала к ним в гости, Надька намеревалась произвести уборку с очередной чисткой квартиры от засилья всякой дребедени. И хоть я

ей говорила, что на ее место придет новая дребедень, Надька была неумолима.

Мне пришлось помогать разгребать ей домашние завалы. – Хоть дышаться будет легче, – радовалась она.

- Всего-то каких-то пять минут, - язвила я, зная, что свято место пусто не бывает.

И вправду через некоторое время кухня посвежела. - Куда денем-то все? - спросила я. - Балкон, чувствую, рухнет скоро.

– И на даче уже этого хлама полно, на чердаке все до предела забито. Да и по

самой даче ходишь спотыкаешься. Вот только наступит лето, сожгу весь этот хлам! - Так давай сейчас половину повыкидываем, - предложила я, - что поценнее

Давай, – согласилась Надька.

Мы перебирали каждую вещицу. Поначалу Надька не всегда охотно расста-

валась с нажитым. Например, она брала в руки рваную барсетку мужа. - Зашить, что ли? - спрашивала Сорокина себя, крутя это кожаное коричневое

изделие в руках. - Она нужна ему?

оставим, а остальное в мусор.

- Нет, порвалась года три тому назад. У него уж штук пять барсеток было

после этой.

 Выбрасывай! – выносила я приговор. Аромалампа... – Надежда брала в руки очередную вещь. – Еще одна.

– Надя, вторая треснутая, – указывала я на изъян. – В помойку!

А тебе не нужна? Подклеишь.

– Мне-то она зачем? Аус!

И так продолжалось уже не первый час. Постепенно мы вошли в раж, и

мусорные мешки полнились, а тот, что предназначался даче с более ценными

потом с незначительным изъяном, а потом и те, что, по-нашему мнению, просто лишние. – Это тебе надо? – спрашивала Надька, показывая на какую-нибудь безде-

вещами, оставался чахлым. На первых порах мы выкидывали сломанные вещи,

лушку. – Мне нет! – лихо отвечала я.

– И мне нет, – вторила Надька. – В помойку!

– Тебе нужны эти слоники?

Прошлый век!

- К тому же еще сломаны. Вот у самого большого хобота даже нет.

- Солнечные очки. Ну, куда человеку их двадцать штук? Покупает, а сам

даже не носит.

– Может, у него болезнь, какая? – спросила я Надьку.

– Какая? – насторожилась она.

Куплемания, например.

– А что, есть такая?

– Не знаю, но пациент-то есть. Может, она как-то по-другому называется.

– Дурость это, вот как болезнь называется. Хотя, знаешь... – Надежда задумалась. - Мне Петя рассказывал, что у него в детстве не было игрушек. Почти

не было.

Трудное детство, деревянные игрушки, – усмехнулась я.

- Может, он сейчас таким образом компенсирует?

- Как будто мы были завалены игрушками, - пробурчала я, вспоминая, какое

обилие сейчас на прилавках детских магазинов и лавок.

Не отвлекаемся! Сейчас еще разжалобимся.

- Ага, и расставим обратно все по своим местам. - Ну, уж нет! - категорично заявила Надежда и еще с большим желанием
- принялась за работу. Мне попалась в руки книжка. Называлась она «Догнать Америку». Полистала

ee. Куда сей шедевр? – спросила я у Надьки.

- Тебе нужна?
- Бред этот? Нет!

 - Значит, в мусор! - Как-то неудобно выбрасывать книги-то, - осеклась я, воспитанная родите-
- лями в почтении к любой литературе. - Да ладно! Поменьше ерунды писать надо!

И меня и Надежду эта уборка уже утомила. В три ходки мы отнесли всё барахло на помойку, но на всякий случай поставили пакеты рядом с мусорными

бедный. Две квартиры, в трехкомнатной он жил с женой и дочерью, а двухкомнатную сдавал. И заработок хороший, и побочный доход вдобавок. В общем, на жизнь человек не жаловался, и походы по помойкам считал своим оригинальным хобби. Так вот, спустя некоторое время, как мы отнесли на свалку те мешки, Петька

У Петьки был друг Данила-помоешник. Самое удивительное - вовсе не

баками. Мало ли, кому что, да и пригодится. Зря мы так сделали, ох, зря...

сидел на своем рабочем месте в «уазике». Ему приносили доллары и евро, и он их менял по гораздо выгодному курсу, чем в банках. Туда же ему носили и вещи, которые он скупал в бессчетном количестве. Примерно через час после нашей благородной акции к нему пришел друг

- Во дураки люди-то, первое, что он произнёс.
- Почему? изумился Сорокин.

Данила с двумя пакетами в руках.

- Данила выдержал некую нужную паузу и продолжил деловой разговор:
- Слушай, братан, у меня есть кое-какие вещи, старинные, не посмотришь?
- Показывай, оживился Сорокин. Данила достал из одного пакета кожаную барсетку.
- Нет, не то, эту себе возьму. Зашью малость и оставлю.
- Следом появился латунный подсвечник.
- Смотри, какой хороший! Тяжелый. Старинный. – Да, хороший! – согласился Петька. – Но не старинный.
- Возьмешь?
- У меня есть такой уже.
- Ну, как знаешь. Себе оставлю. Люблю когда на три свечи. А это? Данила
- показал аромалампу. По дешевке отдам. – Так ей и так цена три копейки, – усмехнулся Петька, – к тому же у меня и
- такая есть. Подарил кто-то, не помню. Фроловы, что ли. А это, смотри, какая хорошая вещица, – продавец достал изящную стату-
- ЭТКУ. – Милая, – сказал Петр, поглядывая на вещь с некоторым подозрением.
 - Возьмешь? За сколько?

- Это дорого. К тому же у меня есть такая.

- Как ни послушаешь, у тебя все есть! - не поверил Данила.

Данила назвал цену.

- Говорю, есть.
- Ну, не хочешь, не бери. Себе на телевизор поставлю. – Так, что у тебя еще?
- Много чего. Данила начал доставать из пакетов следующие вещи.
- И с каждым новым предметом у Петьки росло недоумение.
- -Вот люди дураки, выбрасывают такие вещи раритерные, произнёс Данила,
- выпуская на свободу слоников. И тут Петька вскричал:

 - Так это же мои слоники! Мои! Вон у самого большого хобота нет!
 - Что значит, твои? вскинулся Данила. Ты купи, тогда твои будут.
 - Мои! Мои! Где ты их взял? – Где взял, там их уж нет. Просветиться не желаешь?

 - При этих словах в руках продавца появилась книга «Догнать Америку».
 - Так это моя книга! Слышишь, моя! Я ее и не читал даже, закричал Петька
- во весь голос.

 - Как твоя? – Говорю же, моя! Сукин ты сын, откуда у тебя всё это?!
- Предположить, что Данила украл, было бы глупо. Пошёл бы он продавать вещи к человеку, у которого их же украл?
 - По-хорошему спрашиваю, сказал Петька, показывая увесистый кулак, –
- откуда у тебя мои вещи?
 - На помойке нашел! - Как на помойке? - Петька был вне себя от ужаса.
- А вот так! Стояли себе рядом с мусорными контейнерами. Да мне только два пакета досталось. Говорят, их там было в десять раз больше.
 - Это Надька! осенило Петра. Её рук дело!
 - Петька принялся набирать на мобильнике номер жены.

 - Я, пожалуй, пойду, произнес Данила. – Ээээ, стой! Ты куда? Стой, кому говорят. Пакеты-то куда потащил?
 - Так они ведь мои. Я их нашел.

 - Сейчас другое найдешь! грозно сказал Сорокин и крепко схватил Данилу
- за рукав. Он вызверился в телефон на жену и вновь обратился к неудачливому негоцианту: – Еще раз прикинь, дурень, это все мое. А ты пришел мне же и мое
- же продавать.
 - Да откуда я знал-то, что оно твое? Знал бы, так и не пришел... – Поэтому, – Сорокин даже не слушал возражения Данилы, – я по праву за-
- бираю это все себе. Нет, не забираю, поправил он себя, а возвращаю домой.
- Андерстенд? Что означает «андерстенд», Данила не знал, но уж больно похоже на Андерсена.
 - Книгу-то хоть оставь, попросил он, вспомнив детского писателя.
- Сказал же тебе, не читал еще! ответил Петька, запихивая все обратно в пакеты. Книгу «Догнать Америку» он не сразу сунул туда же, а малость ли-
- станул и даже вычитал один абзац: «Эти годы были отмечены значительными успехами в области науки и техники, позволившими достичь стратегического

Нужнейшая сейчас книга!

Петька сунул нужнейшую книгу в пакет, потом подумал, подумал и достал подсвечник. Все-таки друг спас часть его имущества.

паритета с США: запуск первого спутника и полёт первого космонавта, первый в мире атомный ледокол и первая в мире атомная электростанция...» Понял ты?

– Держи уж. Если любишь на три свечи... Заслужил!

РАСПЛЕСКАЛАСЬ СИНЕВА...

Капли дождя падали на крышу автобусной остановки. Сегодняшним утром они делали это так неумело, словно ребенок открыл крышку пианино и начал стучать по всем клавишам подряд, рьяно изображая неистового музыканта. Дождь этим утром не пел, как обычно, а горланил во всю мощь. Только двоим он был по душе, и казалось, что только эти двое радуются происходящему. Они пели

громко и нескладно, словно договорились петь с дождем в унисон. Их зычное «расплескалась синева, расплескалась...» раз в тридцать пятый раскатистым громом оповещало всю округу.

Два десантника, поющие на остановке, несмотря на утреннее время, пребы-

вали в изрядном подпитии, но старались держаться на ногах. Накануне страна

отмечала день военно-воздушных сил. В руках каждый из богатырей сжимал откупоренную бутылку с пивом.

- Мы, сибиряки, оплот десантуры! кричал один из витязей.– Сибиряки... Нажрались вдрызг, укоризненно сказал старичок, стоящий
- Сиоиряки... нажрались вдрызг, укоризненно сказал старичок, стоящии рядом с остановкой, и сразу же нырнул под большой зонт со сломанной спицей, потому что все как-то неодобрительно посмотрели на этого человека.

Парашют белый, беленький, Ты меня раскачай, И печаль мою, парашют, В облаках растеряй...

раз от разу все проникновеннее и задушевнее. Береты десантников были лихо заломлены. Глаза затуманены. Плечи тесно прижаты друг к другу. Могучие мужские руки крепко обнимали торс друга. Монолит. И этот монолит пел и еще вдобавок раскачивал себя. Бутылки с пивом по-прежнему находились при них, но певцы, по всей видимости, забыли об этом, так как не сделали за все время

Теперь уже эти строки повторялись бесконечное количество раз. Причем

ни одного глотка. Следующей песней в их репертуаре вновь стала «Синева».

...Я хочу, чтоб наша жизнь продолжалась

– А все-таки наша Черниговская самая лучшая дивизия, – сказал, высвобождаясь от объятий друга, тот, что был пониже ростом, но поплечистее.

По суровым, по десантным законам...

— Ваша? Семьдесят шестая? — поднял бровь второй, жилистый десантник.

плечистый. А наша псят шестая грдейская отдельная десантно-штурмовая бригада, чем хуже? - пошатываясь, но почти четко проговаривая название, спросил

Плечистый нахмурился и исподлобья посмотрел на товарища. Нет, конечно же, пятьдесят шестая гвардейская отдельная не хуже. Но уступать в споре не

А давай, – предложил он, посмотрев на стеклянные бутылки в их руках, –

- Наша! Семьдесят шестая десантно-штурмовая! - с гордостью произнес

- А... понял. И что? – Что, что. Тот и победил в споре. – Давай, – согласился жилистый, к тому времени уже позабыв, о чем шел
- спор.

Ты меня, а я тебя.

жилистый.

хотелось.

- Поехали! Они вонзили себе в рот горлышки бутылок и принялись не пить, а работать,
- втягивая в себя напиток. Плечистый оказался более проворен. Словно пылесос, он вобрал в себя бутылочную жидкость. И, опустошив тару, нанёс удар по голове жилистого. К тому времени жилистый еще не успел допить пиво и во

тот, кто первый допьет бутылку и успеет ударить ею по голове...

Кого? – перебил жилистый, глядя на пиво.

буса, дружно охнули. А ворчливый дед так сжался под своим зонтом, что стал похожим на гриб. - Ты чо? - взревел жилистый, явно огорошенный ударом. Плечистый даже не успел ничего молвить в ответ, как его товарищ от души

время удара даже поперхнулся. Мирные сибиряки, стоявшие в ожидании авто-

- врезал ему бутылкой по голове. Бутылочные дребезги и остатки пены расплескались по голове плечистого. – Ах, ты!.. – выругнулся он и набросился на обидчика.

 - Жилистый не стал искать поводов для примирения и кинулся в бой.
 - Они успели нанести друг другу лишь несколько ударов, как их окликнули.

Некий осанистый человек подошёл к остановке и произнёс это чётким ко-

- Ребята, вы чего не поделили-то?
- мандирским голосом.
 - Десантники остановились. Переглянулись. Стали размышлять.
 - Правда, чего это мы? спросил жилистый.
 - Плечистый пожал плечами.
 - Зализывая кровь на губе, он уже обнимал товарища.
- Расплескалась синева, расплескалась... вновь на всю округу потекло их мирное и громкое пение.

ОДИН НА ОДИН

Бескрайние российские просторы. Душе свободно в них и вольготно. Особенно в Сибири. Летай, душенька, сколько вздумается. Порхай, витай, пари, мчись! Только живи! Не вырождайся.

– Сколь? – спрашивали его. Нисколь, – отвечал Лобанов. – Как нисколь? Говорю, сколько? - Сколько, сколько... Сколько дашь.

Лобанов ехал на своем стареньком потрепанном «Урале» из деревни, коих немало рассыпано по территории широкой Сибири. Круглый год он не вылезал из-за баранки бортовой машины. А в зимнее время подрабатывал тем, что возил дрова. К Лобанову часто обращались за помощью. Денег он не драл. А иногда

Он умел зарабатывать деньги на предприятиях, где всю жизнь работал водителем. Но у своих, да и вообще в частном порядке, стеснялся требовать. Перетаптывался с ноги на ногу, мял ушанку в руках, почесывал затылок, когда

- Это несерьезно. Я ведь могу и рупь дать.

и вовсе отказывался их брать, если только за солярку.

Свои люди – сочтемся, – говаривал он.

речь заходила об оплате.

- Ну и дай рупь.

- Лобанов не кокетничал. Он действительно думал, что помогать за деньги
- отдавая займы. Тут и стали появляться свои клиенты знакомые знакомых, которые были наслышаны про то, что Лобанов не берет лишнего. У своих же он по-прежнему отказывался получать оплату. В следующий раз больше ничего не привезу! – грозился водитель.

постыдно и унизительно. Да и как брать их, если один норовит рыбой завалить, другой мяса даст увесистый кусок, третий картошку поможет выкопать? Вот и думай тут. Но когда Лобанов покупал себе машину, то пришлось подзалесть в долги. Поэтому после такой внушительной покупки приходилось подрабатывать,

- И меньше не привози, слышалось в ответ.
- Этим вечером Лобанов ехал из деревни, которая стояла вдали от трассы. На-
- парник по работе Васька Гуляев попросил его привезти тетке дрова.
- Холодная нынче зима, вслух произнес Лобанов, крепко сжимая руль внедорожника тяжелого класса. И добавил радостно: – А в кабине хорошо, тепло.
- Он закурил. Пришлось приоткрыть окно. Ворвавшейся струей крутого морозного воздуха обожгло лицо.
 - И впрямь нынче морознее обычного, подивился шофер.
 - Студеной зимой Сибирь не удивишь. Но в этот год его высокоблагородие
- генерал Мороз побил все рекорды.
- По боку мороз, я в Сибири рос! вспомнил Лобанов поговорку. Тотчас влёт добавил и вторую: – Напугали медведя медом, а сибиряка морозами!
- Лобанов не мог себе представить, как живут люди без холодов, снегов, метелей. А ведь живут как-то, даже не подозревая, что суровый климат закаляет, делает сильнее, крепче и выносливее. А сибирский тем более. Сибирь – родина
- Лобанова. Он любил ее всей душой. Даже на вопрос русский? он отвечал сибиряк.

К зиме у сибиряков почтительное отношение. Нельзя быть с ней «на ты». Не прощает зима, когда ею пренебрегают, - рассуждал Лобанов, наматывая очередной километр на спидометр. Он впервые ехал по этой заснеженной дороге. Туда,

где ждали дрова гуляевские родственники, ему пришлось добираться другим путем, знакомым. Сейчас же, когда он возвращался домой, маршрут пролегал в

железного квадрата.

шине кто-то находился.

– Люди!

ее тормошить.

иную сторону, но как доехать до своего дома, Лобанов приблизительно знал. Да и как тут заплутаешь дома-то?..

отродясь не бывало. Зато имелись фары, высвечивающие Лобанову путь. Кати себе и кати на своем большегрузе. Кругом снега. И тишина. «Покойная тишина»,

был еще. Самое отчетливое – ее смерть. Бабушку убило грозой. Она с дочерью и маленькими внуками прятались от ядреного ливня под деревом, а гроза аккурат попала в него и прямиком в Степаниду. Мальчики с матерью закапывали ее по горло в землю, думая, что это поможет, но не помогло. Бабушка умерла. Давно не был у нее на кладбище. А она снилась ему намедни. Но в эту пору не подобраться ни к могиле, ни к самому старенькому погосту, все снегом замело.

Лобанову вдруг стало жутко. Чего это на ночь глядя он о кладбище думает? И тишина, до этого казавшаяся спокойной, стала видеться тревожной. Пейзажи зимней тайги веками воспевали живописцы, но сейчас деревья черного леса, высвеченные фарами, походили на зловещие фигуры с тянущимися острыми настырными руками-ветвями. В одном месте дорога резко сужалась, и ветки стали хлестать по машине. Сквозь приоткрытое окно одна из веток словно молния ворвалась в теплый уютный мир кабины и дерзко хлестнула Лобанову по лицу. Это было так внезапно, что водитель зажмурился и невольно вскинул левую руку, оторвав ее от руля, чтобы защитить лицо. И в следующий миг в нескольких метрах перед машиной... Однако Лобанов даже не сразу сообразил, что это, так внезапно возникшее перед его взором. Резким движением ступни он нажал на педаль тормоза и давил на нее, давил что есть силы, пока грузовик не остановился. Водитель даже вспотел - так силился остановить машину. Лобовой атаки не случилось. Большегруз застыл в нескольких шагах от уродливого

Лобанов вытер тыльной стороной ладони капли пота, проступившие на лбу. А ветка все-таки успела его царапнуть. По виску струился ручеек крови. Он пристально вглядывался в то, что было за лобовым стеклом его великана. Квадратом оказалась легковая машина, которая стояла поперек дороги, преграждая путь. Утирая кровь, Лобанов выпрыгнул из кабины. В паре метров от него стоял полубоком изувеченный автомобиль, являя собой угнетающее зрелище. В ма-

Он кинулся к легковушке. На водительском сидении с запрокинутой головой в неестественной позе полулежал мужчина. Его гибель была очевидной. Все же Лобанов попытался открыть дверцу. Она не поддавалась. Заклинило. Не удивительно, так как передняя часть легковушки была, что называется, всмятку. Лобанов бросился к противоположной дверце, висевшей на одном волоске. Рядом с водителем сидела женщина, наклонившись вперед. Лобанов осторожно откинул ее. Вся в крови. Никаких признаков жизни. Тем не менее, он принялся

Женщина молчала. Лобанов попытался ухватить пульс. Без толку. Он и сам понимал, что люди в машине мертвы, но хотелось ошибаться. На заднем сидении он еще обнаружил человека. Им оказалась женщина преклонных лет. Видимых

- Вы живы? Скажите, вы живы? Да скажите хоть слово!

как говорила его бабушка Степанида Романова. Он ее почти не помнил. Мал

Иссиня-черный вечер подчинил себе всё. Ни зги не видать. Фонарей здесь

она столкнулась?..

Старательно сохраняя предельное спокойствие, он обошел легковушку. Выкурил одну за другой три папиросы, размышляя, что делать дальше. Авария произошла недавно. Это факт. Ехали, по всей видимости, в том же направлении, что и он. Как произошла авария? С кем столкнулась легковушка? Где тот, с кем

Куда он делся? Наверное, поехал в ГАИ. Другого объяснения Лобанов не

Лобанов зачерпнул пригоршню снега и принялся смывать кровь.

повреждений у нее не наблюдалось. Мёртвая старуха сидела с распахнутыми глазами, наклонив голову. Лобанов закрыл ей глаза. «Лицо-то теплое! – подумал он. – Значит, авария произошла совсем недавно». Ему захотелось покурить. Мощный свет противотуманных фар его грузовика заставлял жмуриться. Лобанов достал пачку из кармана. Чиркнул спичкой, раскурил папиросу. Огонь осветил руки. Они были в крови. В крови той женщины, что сидела рядом с водителем.

мог допустить. Конечно, он поехал в ГАИ, предчувствуя, что навряд ли до утра появится какой-либо транспорт, чтобы отправить водителя сообщить о происшествии. Не знал ведь тот, кто столкнулся с этой легковушкой, что следом поедет

он, Лобанов, и может сообщить в автоинспекцию. Чего бы он, тот водитель, причастный к аварии, стал здесь дожидаться? Все правильно, поехал доложить о случившемся. Скоро приедет обратно с автоинспекторами, которые во всем разберутся на месте.

И, сделав вывод, что без него здесь справятся, Лобанов направился к своей машине. М-да, а как же я тут выеду-то? Покалеченный автомобиль стоял так, что его невозможно было объехать. С одной стороны лес, с другой небольшой обрыв. Дорога узкая. Нет, он не сможет объехать легковушку. Лобанов с досады плюнул.

А может, все же попробовать? Он еще раз пристрелялся. Нет, навряд ли. Лучше не рисковать. Придется ждать ГАИ и водителя, поехавшего за ней. Что же здесь,

однако, произошло? Три человека погибли. Мужчина и женщина примерно его возраста. Лобанову несколько дней назад исполнилось сорок. Этим столько же или чуть постарше. Хотя, может, и смерть уже сделала свое дело – состарила. Возможно, они муж и жена. На заднем сидении, вероятно, его или ее мать. Горето какое для родственников. Тройные похороны.

Кто, интересно, виноват, они или тот, кто в них врезался? Мужика того жалко. Можно представить, каково ему сейчас. Не приведи Господь! Уж лучше бы не он был виновен. Посадят, поди. А он молодец, в инспекцию сразу рванул. А может, скрылся? Да вот еще! Зачем так плохо о людях думать. Неужто можно было бы

бросить здесь погибших?

Лобанов поежился. Холодно, однако. Он сел в кабину грузовика, чтобы в тепле дожидаться приезда нужных людей. Фары высвечивали искалеченную легковушку, и в ней легко угадывались тела погибших.

– Прямо перед носом! – фыркнул Лобанов.

— прямо перед носом: — фыркнул лючанов. Ему стало не по себе. Этих-то чего бояться? Он окинул взглядом искореженный

автомобиль. Живых надо бояться. Тем не менее перед глазами высвечивалась

безрадостная картина, и он выключил фары. Все погрузилось в кромешную мглу. В голову лезли неприятные мысли. Может, кимарнуть часок, пока гаишников дожидаешься? Ага, как же, уснешь тут...

Лобанов закурил. Папирос осталось несколько штук. А курить, как назло,

Лобанов закурил. Папирос осталось несколько штук. А курить, как назло, хочется пуще обычного. Пошарил в бардачке. Увы, про запас пачки нету. При-

носил, они почему-то все время ломались, не хотели с ним жить. - Время ломается, - усмехнулся он. В одном смысле - неисправно, в другом - выделывается. Вот сейчас оно

Неизвестно, сколько сейчас времени. И часов у него нет. Вообще он их редко

дется экономить. А чего экономить-то? На час хватит, ну на полтора. Лобанов рассчитывал, что за это время сюда приедут. Он сидел в кабине и ждал. Никто

именно выделывалось, так как тянулось медленно, тягуче. Лобанов несколько

не ехал.

кромешную ночь.

трогать следы.

нив его. Показалось.

раз прогревал машину, чтобы избавиться от холода. Тело затекло. Странно, и как

это он часами мог не вылезать из-за баранки? Надо выйти размяться. Выходить

аж заулыбался, предвкушая горячий пар.

что выехать не удастся, а то наломал бы дров!

– Не приедет он, – сказал Лобанов, – не приедет.

об опасности на данном участке.

вообще-то не хотелось. Здесь, в кабине, защищеннее.

в него въехали. Но на своей машине он может включить габариты. Конечно, перед той, теперь уже полумашиной, необходимо установить знак. Во-первых, должны приехать именно с той стороны. А во-вторых, там очень крутой поворот. Не все же знают, что здесь произошло. Вдруг кому надо сюда ехать. Хотя сомнительно это. За все время, пока он ехал, ему на встречу не попалась ни одна машина. Да и стоит он сколько, и тоже ни одна машина не просочилась сквозь

Утром кто-нибудь поедет, а сейчас нет. А к утру ни его, ни их, - Лобанов покосился на машину с трупами, - здесь не будет. Он приедет домой, затопит баньку и будет выгонять все беды-печали из себя березовым веничком. Лобанов

А все-таки знак надо поставить. Он прошел мимо легковушки, стараясь не смотреть на нее. Далее ему пришлось идти сугробами, чтобы не затоптать следы от шин. Судя по всему, машина была большегрузная. Вот здесь водитель разворачивался. Видимо, с трудом. Застревал. Скорее всего, он и виноват. Вылетел из-за поворота на скорости, не ожидая встречи с легковушкой. От неожиданности никто не успел затормозить вовремя. Поэтому все так и произошло. А может, водитель легковушки был пьян? Или другой водитель? В любом случае нельзя

И как же он, Лобанов, собирался уехать? Как бы тогда измерили тормозной путь, составили схему происшествия, если бы он уничтожил все следы? Хорошо,

Он поставил знак, который ярким светом в непроглядной темноте оповещал

Вернулся в кабину и вновь погрузился в томительное ожидание. Лобанов прислушивался к тишине. Вдруг ему послышался звук приближающей машины. Он выпрыгнул из кабины. Наконец-то! Но никого не было, и звук исчез, подраз-

Ночь. Холод. Человек посреди дороги. Позади тупик, впереди машина с мертвыми телами. Это же ловушка! Надо срочно выбираться! Но как? Бросить машину и идти пешком? Нет. Идти далеко. Мороз крепчает. Не дойдет он. Замерзнет.

- Трусишь, что ли? - спросил себя и тут же вспомнил о важном. Как же он

забыл! Надо же аварийный знак поставить! Он порылся под сидением, нашел

складной треугольник и с ним выпрыгнул из кабины. Куда знак-то ставить?

Позади своей машины? Вдруг кто поедет в эту же сторону, не хватало, чтобы

предстоит. Подошел к обрыву. А обрыв-то не такой и грозный! Лобанова это даже обрадовало. – Совсем спятил, – ругнул он себя. Не хватало только в обрыв улететь, какой бы он ни был!

Выезжать нужно. Другого выхода нет. Лобанов подошел к поврежденной машине. Измерил шагами расстояние от нее до обрыва. Да... ювелирная работа

хабазину обогревать? Снегом, что ли?

Он неистово пинал по грузовику.

Лобанов сел за руль своей машины. Завел ее. Немного прогрел. И тут же

заглушил и со всей силы ударил по сигналу. Страшным воем протянулся звук по замершему пространству. Не проедет он! Не проедет. Не проедет. – Езжай! – закричал Лобанов. – С мертвяками сидеть нравится? Заводи! –

Повернул ключ зажигания. Машина что-то буркнула, но не завелась. Он еще раз повернул ключ. В ответ урчание, да и только. Лобанов обрушил удар кулаками на руль. Да заводись ты! И с третьего раза эта железная тварь не желала заводиться и куда-то ехать. Лобанов откинулся на спинку водительского сидения. Может, это знак? Может, не надо ехать-то? Не проедет ведь. Может, это его, Лобанова, оберегают те, что сверху? Так они должны понимать, что он замерзнет тут! Солярки надолго не хватит. А потом чем он будет эту

скомандовал он себе.

- Заводись! Да заводись же! Нет. Не завелась. Лобанов выскочил из кабины, хлопнув дверцей. – Решила меня заживо тут похоронить?

- К этим в компанию решила меня отправить?

Лобанов подлетел к израненной легковушке и с такой силой и злостью от-

весил удар по машине, что она, как показалась ему, сжалась еще больше.

гладил приборы. Даже сам застеснялся своей ласковости к машине. - Заведись, пожалуйста. Очень надо. Очень! Исправная ведь.

Он вернулся в кабину. Закурил. Сжал руль. Провел рукой по панели. По-

Лобанов знал, что она сейчас заведется. И действительно, он оказался прав. Но не это главное. Сейчас главное – удачно объехать легковушку. Лобанов

впился руками в руль. Ну, с Богом! Осторожненько... Тихонечко... Вот так, вот так, милая... Давай... Плавненько... Давай... Ты можешь. Можешь. Ло-

банов боялся дышать. – Если проеду, – дал вдруг себе обещание, – в церковь схожу.

Большая грузовая машина жалась к легковушке. Все плотнее и плотнее.

Между ними оставались считанные сантиметры. Не зацепить бы! Ей и так,

малютке, досталось. Нужно было проехать всего каких-то несколько метров,

но каких! Возможно, между жизнью и смертью. Между пропастью и искалеченной машиной с мертвыми людьми. Лобанов остался верен жизни. Водитель

большегруза проехал злосчастный отрезок дороги и мысленно поблагодарил за это машину.

А в церковь обязательно схожу! – прошептал он. – Выехал ведь.

Лобанов остановился позади легковушки. Руки дрожали. Сейчас он успокоится и поедет дальше. Стакан бы водки не помешал. Но это после. А следы

от шин той, неизвестной машины, столкнувшейся с этой, ему придется уничтожить. Но не специально. Иначе как ехать-то? Не ковром-самолетом ведь сам сейчас рванет в ГАИ. Лобанов, крутанув ручкой, опустил стекло на двери кабины и выглянул. - Ну, оставайтесь, ребятки. Не мерзните, - горько пошутил он, но сразу

управляет. Аварийный знак он оставит. Увидят, поди, как знак светится. А

же мысленно одернул себя, – не кощунствуй! – и, махнув рукой на прощание, двинулся в путь.

Он поднялся в горку, осторожно огибая поворот. Сложное место. Узкое. Не разъехаться двум машинам. Должно быть, после поворота сильно несет с горы. Не мудрено было столкнуться машинам. Поди, не первая авария здесь.

Обрыв еще тут совсем не к месту, из-за него и вырулить-то некуда. И темнота кругом. Неуязвимая темнота. Даже снег, сияющий днем своей белизной,

сейчас черен и зловещ. Лобанов поежился. Из ума не выходила эта страшная авария. Несколько часов назад люди были живы. Смеялись, шутили, пусть даже ругались, но жили. И раз тебе – поворот, а за ним конец... - Но... почему это мне поворот?! - Лобанова аж передернуло от такой

внезапной мысли. Так говорится, русский язык вон как богат, слов-сокровищ не счесть! Так говорится. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Вот тебе то-то и то-то, вот тебе

и поворот. – Да почему опять мне? – возмутился Лобанов. – Мне-то почему? Я здесь

при чем? Это им поворот, а не мне! Не мне! Не мне, – заладил он, – не мне.

Лобанов отвергал мрачные мысли, но они словно солнечные зайчики ска-

кали в его голове. А ведь, если подумать, то на месте этой легковушки мог быть он, Лобанов. Получается, что именно он ехал за ней на своем грузовике. Выбраться ему пораньше минут на двадцать от гуляевской родни, и неизвестно, чем бы дело кончилось. Он мысленно поблагодарил Васькину тетку Антонину Лукьяновну за то, что она задержала его, напоив чаем. Значит, если бы не чай, то этот поворот был бы его, лобановский? Выходит, это столкновение лоб в лоб предназначалось ему, Лобанову? Стало быть, он обязан жизнью Антонине и всем троим погибшим в легковой машине?

Лобанов остановился.

– Нет, не так, – покачал головой он.

У Бога все предусмотрено. Если не он погиб на этом повороте, значит, не

ему он предназначен судьбой, а именно тем, кто сейчас в легковушке. Помочь он им ничем не может, стало быть, делать ему здесь нечего. Взять их на

буксир он тоже не сможет, за что машину цеплять-то? Значит, ему остается привезти к этому месту гаишников, вот вся его полезность. А если все же

кто-то поедет? - эта мысль не давала покоя водителю. Вот ты думаешь, навряд ли кто сунется сюда так поздно. А вдруг? Вдруг да сунется. Откуда тебе знать планы людей? Ведь убьется или покалечится, столкнувшись с машиной!

Она перед самым поворотом засела. А тем каково? Дважды авария. Им одной хватило, чтобы умереть. Еще одно столкновение, и тела их, возможно, будут не узнаваемы.

Лобанов тяжело вздохнул. Он не имеет права допустить вторую аварию. Не имеет права. Но тогда... тогда ему придется остаться здесь. На морозе. В

темноте. Среди погибших.

изредка. Жаль, папирос нет. А курить хочется. Лобанов вновь вспомнил про аварийный знак. С этой стороны легковушка

защищена большегрузом во главе с Лобановым, с противоположной же стороны - ничем. Не хватало только того, чтобы кто-нибудь налетел на нее, как это чуть не сделал он ранее, жмурившись от веток. Значит, если он будет по опасную сторону от легковушки, то знак, который сейчас позади него, но перед легковушкой, нужно перенести за нее. И Лобанов, вооружившись фонариком, пошел

– Накрылась баня и стакан водки... – матюгнулся он, заглушив мотор. Лобанов совсем немного отъехал от места аварии. Сейчас его машина стояла на пригорке. Возвращать ее на прежнее место не было смысла, поэтому он решил, что будет находиться в кабине своего грузовика с включенными фарами, тем самым препятствуя новой катастрофе. Сиди себе да сиди, прогревая движок

из фонаря. Иней покрыл железо и лица сидящих. Зловеще как! Лобанов невольно отшатнулся. Ему стало невыносимо жутко. - Ничего, ничего, - успокаивал он себя, - мне бы только ночь продержать-

ночью мороз обостряется. Лобанов подобрал знак и зашагал к легковушке.

Под ногами громко скрипел снег. Изрядно похолодало. Ничего удивительного,

- Не смотри на машину, - приказал он себе, - но тут же высветил ее светом

ся!

Быстро отмерил тридцать шагов от искалеченной машины в противоположную ему с грузовиком сторону и поставил знак. Отошел посмотреть, хорошо ли

видно. Да, хорошо. Нестерпимо хотелось курить. А курить уже нечего.

- Может, у этого поискать? - Он имел в виду водителя легковушки, но его перекорежило от одной только мысли. Терпи, казак, атаманом будешь. Давно

надо было бросить курить. Не страдал бы сейчас так. Хотя сколько раз пытался, и все безуспешно. Силы воли нет, стыдил он себя, но это не мешало ему вы-

куривать пачку за пачкой. Лобанов вернулся в кабину. В ней еще сохранялись остатки былого тепла. Как назло, захотелось есть, а еды с собой нет.

менять месторасположение аварийного знака.

– Поспи, – уговаривал он себя, но сон не шел.

Вышел из машины.

– Отчего же никто не едет? – вопрошал он, вглядываясь в густую темноту.

В вершинах кондовых сосен забавлялся ветер. Лобанов взглянул на небо. Высокое. Яркое. Звездное. Величественное. А здесь на земле чернильная слепота

вокруг. Когда же далекий горизонт заявит о себе, высветив бледно-розовое волоконце начинающегося утра? Когда же ночь перетечет в день, заполняя светом

пустоту? От мрака устали глаза. Неожиданно что-то щелкнуло в лесу, нарушив покой мглы. Лобанов вздрог-

нул. Еще раз хрустнуло где-то неподалеку от него. Не боись! – подбодрил он себя. – Это зверь какой-нибудь или птица.

Ожидание становилось все более мучительным. Невыносимые мысли лезли в голову. На ум приходили чудовищные истории. Лобанов умылся снегом, словно желая смыть страхи. Он снова забрался в кабину и нагрел ее до такой темпера-

туры, что с холода заломило суставы. - Чем тебе не баня? - усмехнулся он. Но жар держался недолго, через щели выходил наружу, уступая место холоду. Лобанов несколько раз включал печку, согревая себя и железо. В какой-то момент он все же задремал. Снились теплые рукавицы, связанные бабушкой. Будто бы он никак не мог их найти. А руки, замерзая, коченели на

глазах. Лобанов проснулся. Он крепко сжимал холодный руль пальцами ладони. Вот от чего руки замерзли! Пальцы покраснели. Подул на них горячо и часто, растер. Они стали понемногу отогреваться. Лобанов чувствовал, как под кожей

заполняется теплотой. И снова заломило суставы.
А за окном-то что творится! Оказывается, пока он спал, природа решила

сменить милость на гнев. Фары ярким напором высвечивали, как рьяно кружит метель. Густо и сердито валил снег, шатаемый ретивым ветром. Как успело намести за то время, что он спал! На капоте машины образовался целый сугроб.

капот. Ветер безжалостно хлестал в лицо. Снег, безостановочно обрушиваясь на землю, был похож на грозного повелителя, решившего за что-то покарать своих подданных. Царствовала метель. Несколько раз с Лобанова слетала ушанка. И чего это я выскочил? — думал он. — Пусть валит снег себе на здоровье, замести такую махину, как моя грузовая, не получится, а то он, водитель со стажем, не знает повадки этого снега. Сейчас он в самом разгаре, а вот выльется за пару часов, выдохнется при этом и успокоится. Ветер бы стих, а то лупит больно по

мести за то время, что он спал! На капоте машины образовался целый сугроб. Куда этот снег так спешит? Лобанов надел шапку-ушанку, опустил уши и вышел из машины. Почистил

На ум пришли строчки:

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,

Снег валит клоками; Черный вран, свистя крылом, Вьется над санями; Вещий стон гласит печаль! Кони торопливы Чутко смотрят в тёмну даль, Воздымая гривы...*

щекам. Физиономия, наверное, сейчас бордовая от холода. Жжет даже. — Заберись в машину и сиди там, — скомандовал себе Лобанов.

как всегда. Это там у него, у поэта, кони торопливы.

– А мой железный конь, – усмехнулся Лобанов, – на посту, как верный пес на

Лобанов даже удивился, что без запинки прочитал стих. Оказывается, помнится еще кое-что со школы. А вот кто их написал, позабыл. Пушкин, наверное,

страже. И кого сторожит... Мертвецов. Кстати, надо бы, пока не забрался в кабину, сходить туда, может, снег смахнуть

Кстати, надо бы, пока не забрался в кабину, сходить туда, может, снег смахнуть с легковушки. Да и знак наверняка где-то в сугробе притаился.

Лобанов завязал покрепче шапку, взял фонарик и отправился в метельную тьму. Идти было трудно. Он то и дело проваливался в сугробища.

— Ничего, ничего, — успокаивал он себя, — все когда-нибудь кончается. На

кольце царя Соломона что написано? «Все проходит, и это пройдет».

* Из баллады В.А.Жуковского «Светлана».

И курево тоже будет не скоро...

Но кто знал, что так вот случится.

замечтал о бане. Хотелось прогреть каждую косточку, выпить водки и лечь спать под теплое пуховое одеяло. Но уютные мысли пришлось отогнать. Чего себя изводить-то. И баня, и сон, и водка будут только тогда, когда это все закончится.

Пальцы вновь заломило. Дурацкая привычка не иметь рукавиц. Хотя если разобраться, то зачем они ему. Все время в машине, а в них водить неудобно. На всякий случай надобно иметь про запас. Вот сейчас погрел бы руки в них.

Все пройдет, обязательно пройдет, и снег, и ночь, и ожидание. Лобанов вновь

– У тебя вечно всё не слава Богу, – разозлился на себя Лобанов. Он дошел до легковой машины.

– Мда. Замело. Вот ты чем расчищать собрался? Чем, спрашиваю?

Ведь пошел сюда с известным намерением. Возвращаться к своей машине

сначала смахивать снег руками, потом снял шапку и прибегнул к ее помощи. Расчищай-не расчищай, а скоро снова тут образуются залежи. Удивительно, как

не хотелось. Он установил фонарик на ровное место и, ругая себя, принялся

быстро и много намело, пока он спал. Хотя сколько он проспал? Время стало врагом. Может, два часа, а может, минут пятнадцать. Лобанову все же казалось, что он проспал недолго. Обычно он мог отдохнуть за полчаса, если вдруг сильно

Лобанов очистил легковушку от снега. Даже вспотел малость. - Сидят, - промолвил Лобанов, глядя на разбившихся, будто бы они могли за это время уйти куда-то. – Эко вас угораздило-то! – И он с жалостью отвер-

притомится в дороге. Да, стоило ему полчаса или минут сорок подремать, и он вновь чувствовал себя бодрым и снова рвался в путь. Но сейчас он чувствовал, что нисколько не отдохнул за время сна. Однако спать больше не хотелось.

нулся. Сейчас надо найти знак. Хотя это дело почти безнадежное. Да и толку-то, что он его найдет. До первого порыва ветра будет стоять. Как его закрепить-то

здесь, на снегу? Может, бочку из-под соляры прикатить да на нее как-нибудь установить знак? - Подумаем.

в горку.

Но устанавливать пока нечего. Аварийного знака нигде нет. Куда он запропастился? Впрочем, Лобанов был к нему без претензий. Метель всему виной. Она и сейчас не думала о том, что уже не мешало бы ей поиссякнуть.

Нет, оставлять легковушку без опознавательных знаков нельзя! Что же делатьто? Что делать-то? Костер! Да, да костер! Какой знак будет для водителя, едущего

по той дороге, что и Лобанов накануне. К тому же и прогреться не мешало бы. Нужны дрова. Вон леса полно. Леса-то да, но топор он давеча выложил. Пашка

Климов накануне попросил, а он и забыл забрать. – Эх, ты рёма-ерёма! Голова-то – не шапку носить, а ум-разум копить, –

вспомнил Лобанов бабушкину пословицу, глядя на мокрую шапку. Что же у него есть, из чего можно костер соорудить? Повспоминал, повспо-

минал, не из чего. Он кузов заранее весь опустошил, чтобы как можно было больше дров закинуть. Бочка есть из-под солярки, канистры, но на костер они

не пойдут. Выходит, не из чего? Резина у него есть. Вернее, колесо запасное. За ним-то и направился Лобанов осталось спичек всего несколько штук.

погасла.

резко ударил в нос. – Ну и вонища!

не подведет. В кузове лежало запасное колесо. Лобанов с трудом поднял его. Оно сопротивлялось, словно предчувствовало, зачем понадобилось. Наконец запаска очутилась за бортом. Водитель взял канистру с соляркой. Спички всегда при

нем. Лобанов катнул колесо с горки, чтобы превратить в жертву обстоятельств. Несмотря на сугробы, колесо катилось легко, даже лихо, сминая под своей тяжестью снег на пути и расчищая дорогу человеку, собирающемуся его сжечь. Лобанов прокатил колесо мимо легковушки и еще откатил метров на тридцать. Облил соляркой. Поджег спичку, она тут же погасла. Еще одну, но и вторая

– Да будет тебе, ветер! – в сердцах выкрикнул Лобанов, зная, что в коробке

Он нагнулся к резине. Чиркнул спичкой. Эта оказалась спасительной. Лобанову удалось поджечь колесо, и почти сразу же запах загорающейся резины

Чем больше колесо разгоралось, тем удушливее становилось вокруг. Колесо

С его машиной все в порядке. Фары светят. Аккумулятор, хочется надеяться,

горело неравномерно и скачкообразно, то высоким пламенем с одного бока, то словно пригнувшись с другого.

Лобанов отошел к машине.

 Опять намело на вас, покуда я ходил, – вздохнул, смахивая снег, и высветил фонариком лица находящихся в машине.
 Лобанов с детства боялся мертвецов. На всех похоронах он что-то, кого-то и куда-то отвозил, забирал, привозил. А непосредственно в процессе погребения

мало участвовал. Сейчас же он запретил себе бояться. Только погрузись в мысли о покойниках, и сразу начнёт мерещиться... Будешь вздрагивать от каждого

стука, звука. А здесь их этих шумов полно. Естественных. Лес ведь. Все время что-то трещит, гремит, грохочет.

Но моментами ему становилось нестерпимо жутко. И тогда он пел. Громко

пел. И страх понемногу отступал.

– Может, мертвецы боятся пения, – удивлялся Лобанов.

Может, они и не боялись пения, но слушать явно не желали. Пел Лобанов, как бы это помягче выразиться... в общем, ему наступило на ухо все медвежье семейство. Очень часто человек, не умеющий петь, поёт прилюдно. Лобанов

семейство. Очень часто человек, не умеющий петь, поёт прилюдно. Лобанов свое «искусство» никому не навязывал. Он любил петь в бане, поэтому и мылся обычно один.

Странно. А лица покойных выражают эмоции. Лобанов даже отпрянул. Нет,

етранно. А лица покоиных выражают эмоции. Лооанов даже отпрянул. тет, не страха, как было давеча, а ожидания. Они тоже ждут, чтобы их как можно быстрее забрали! Да, они ждут, хотят выбраться отсюда не меньше его, живого человека. Лобанова потрясла эта мысль. Они с ним заодно.

– Ребятки, – взмолился Лобанов, – вы сейчас ближе к Богу, чем я. Попросите его за нас всех. Устал я. Да и вы тоже. Не могу я больше. Сил нет. Домой хочу. Попросите, чтобы как можно быстрее все закончилось. Замерзли мы. Пальцы

ломит. Попросите.

И отвернувшись от просящих, Лобанов заплакал. Но тихо, беззвучно. Слезы

выкатывались из глаз и теплым ручейком скользили по холодным щекам.

— Простите, не сдержался, — сказал он и отошел от машины.

же зажмурился от утреннего света. Над ним нависла красная мясистая физиономия. – Чего спишь посреди дороги? Нашел, где спать!

Проснулся он от того, что кто-то его тормошил. Он открыл глаза и сразу

Горящее колесо чадило, но зато видать его было издалека. Оно походило на большую газовую конфорку. Язычки пламени как огневушки- поскакушки, которым не сидится на месте, взмывали то в одном, то в другом месте, рассекая ночную мглу. Лобанов бросил равнодушный взгляд на удушливый костер. Запах настолько был силен, что его затошнило. Нестерпимо ломило пальцы. Греть здесь их все равно невозможно, поэтому Лобанов отправился к себе. Через какое-то время тепло закончилось и в его грузовике. Обогревать машину стало нечем, запасную канистру с соляркой потратил на то, чтобы разжечь костер. Он мерз, его морил сон. Укутав себя какими-то тряпками, пропахшими дорогой, Лобанов,

– Приехали?

свернувшись калачиком на сидении, уснул.

– Ты чего, спрашиваю, посреди дороги разлегся?

Лобанов хотел что-то ответить, но у него вместо ответа получилось какое-то

Лобанов покачал головой. Он смотрел на человека, склонившегося над ним, и никак не мог поверить, что все закончилось.

- Да что случилось-то? Поломался? - Там люди.

– Пил?

невнятное мычание.

– Гле?

Лобанов попытался приподняться с сидения, но он словно примерз к нему.

на морозе ледяной водой.

- Там люди. За поворотом. Вернее, были люди. Произошла авария. - Как были?

С трудом привстал. Тело было неподвижным. Вспомнился Карбышев, залитый

– Теперь мертвые. Трое.

- Ты? - ужаснулся гость. – Нет

– А кто же?

Не знаю.

- Так чего здесь сидишь-то?

– Их охранял. Они прямо за поворотом. Кто бы первый поехал – разбился.

Первым был этот мясистый водитель...

- Давно?

С вечера.

Мясистый присвистнул и с недоверием посмотрел на водителя большегру-

3a.

– Слушай, друг, надо гаишников вызвать, – встрепенулся Лобанов, – мне не доехать, соляры нет.

А точно не ты их? – усомнился мясистый.

-Говорю же тебе. У меня и повреждений нет. Хочешь, сходи, посмотри, какая там авария, как их вжало.

- Еще чего, - замотал головой мясистый.

- Поехали в ГАИ, сказал Лобанов. - Ты вот что. Ты давай побудь тут, а я мигом.
- Не веришь мне? Думаешь, довезешь до города, и я убегу? Так я бы давно
- убег. – Не убег бы. Замерз в лесу.
 - Да не убегу я никуда, что за глупость! рявкнул Лобанов.

мясистого смягчился голос:

- Нет, давай посиди тут. Нас подожди. Мы скоро.
- А не обманешь? произнес Лобанов, и это получилось так жалобно, что у
- Нет. Только смотри, никуда не уезжай!
- Хотел бы, так давно уехал. А сейчас у меня и в баке-то пусто. Подлей не-
- много, хоть согреться.
 - Давай пока дуй ко мне в кабину.
- Нетвердой походкой Лобанов кое-как доковылял до машины. В кабине было тепло, чисто и пахло пирогами.
 - Мясистый в это время заливал солярку в бак лобановского большегруза.
 - Согрелся? спросил он, забираясь в кабину.
 - Лобанов не ответил.
 - Голодный?
- Лобанов снова молчал. Здесь в тепле на него навалилась такая усталость, что не мог ворочать языком.

- Хорош чай! - повторял он отхлебывая.

- Онемел, что ли? А совсем недавно разговаривал.
- Мясистый достал термос. Налил чаю и протянул замерзшему Лобанову. Тот крепко вцепился в кружку и взахлеб, обжигаясь, стал пить горячий напиток.
- Мясистый смотрел на него, и было видно, он не знает, что и подумать. Чудаковатый какой-то...
- Схожу посмотрю, что за авария там. Может, тебе приснилось? Пил, поди... Вон как тебя лихорадит.
 - Куревом не угостишь? спросил Лобанов, допивая чай.
 - Не курю.

 - Надо ехать, сказал Лобанов, протягивая кружку, спасибо.
- Мясистый всё же сходил посмотреть на разбитую легковушку, потом уехал в ГАИ, пообещав вернуться и как можно скорее.
- Лобанов прогрел свою машину. Метель, наверное, сразу прекратилась, когда он уснул. Снега на машине почти нет. Пойти посмотреть, что там за поворотом?

И что там смотреть? Там, должно быть, без изменений. А если кто и поедет,

– Приехали? – произнес он ту же самую фразу, что и тогда, когда первый раз

- сейчас светло, легковушку трудно не заметить. Да и сил нет куда-то идти. Тело
- изнывало, ломило, и его снова начало клонить в сон.
 - Гляньте-ка, а он все дрыхнет! услышал Лобанов знакомый голос.
- увидел мясистого.
 - Приехал, приехал, гостей привез.
 - К машине подходил гаишник. Молодой, но важный.

- Выйдите из машины.

- Здравствуйте, ваши документы. Лобанов из нагрудного кармана достал бумаги и протянул инспектору.

- Лобанов с трудом выбрался из кабины. - Ну-ка, дыхни! - перешел гаишник на «ты».
- Так не спал ночь, замерз. Никак согреться не могу.

– Не пил я, командир. – Вид у тебя странный.

- Пройдемте в машину, гаишник вновь перешел на «вы».
- В машине ГАИ Лобанов попросил сигарету. Закурил. А затем двум инспекто-

Ой, - осекся Яцюк, - про мертвых или хорошо или ничего.

Лобанов дыхнул. Гаишник явно был раздосадован.

- рам под запись подробно рассказывал, что произошло. Они смотрели на него недоверчиво и с подозрением. После рассказа пришлось идти на место происшествия.
- С ними отправился мясистый. Теперь оказалось, он знал погибших. Всё охал: - Матерь Божья!
- Лобанов с мясистым разговорились. Мясистого звали Анатолий Яцюк. Он возвращался домой с вахты.
 - Так ты, говоришь, знал их?
 - Знал. Хорошо знал. Мишка с моим младшим брательником вместе учи-
- лись. Женка его Светка, пока замуж за Мишку не вышла, жила с родителями
- А старушка кто им? Мать чья-то? - Мишкина. Софья Андреевна. - Яцюк перекрестился. - Учительницей раньше работала до пенсии. Хорошая, говорят, добрая была. Начальные классы

неподалеку от нас. Противная баба была, вредная. Мишку все время долбила.

Лобанову на месте пришлось снова, преодолевая дикую усталость, повторить рассказ. Пока гаишники что-то там замеряли, составляли схему происшествия,

- вела, но я у нее не учился. Анатолий помолчал.
 - Правда, потом Мишка со Светкой и тремя их дитенками в город уехали.
- Но приезжали часто в деревню своих попроведовать. Когда Софья Андревна
- одна осталась, мужик ейный помер, отчим Мишкин, то Мишка хотел ее в го-
- род забрать, а она ни в какую. Говорит, не приживется она там, в городе. Пока,
- в сторону легковушки: Прости меня Бога ради. Но они, Мишка со Светкой, частенько Софью Андревну к себе погостить брали. У нее сердце болело, она всякие обследования в городе проходила. Вот они и возили ее в больницу на

приемы к врачам. Потом она у них побудет, они ее обратно тащат. Вот и в этот

говорит, могу – буду жить здесь, у себя дома в деревне, ни от кого не зависеть. Да и со Светкой, попробуй, уживись! Ой... – Яцюк замолчал, перекрестился

- раз за ней приехали, в город отвезти. На приемы, наверное... К ним подошел гаишник, который молодой да важный. Но сейчас важность с него куда-то слетела.
- Вы хоть понимаете, что вы совершили? спросил он, обращаясь к Лобанову.
 - Что? насторожился тот.
 - Ну типа того... подвиг.
 - Ух. выдохнул Лобанов, я-то думаю, что я не так сделал, следы уни-
- чтожил или еще что. Конечно, подвиг! – Яцюк вдруг неловко приобнял Лобанова. – Я ведь ехал, не зная, что там за поворотом. А там воно что, оказывается. Он меня остановил...

он, глядя на молодого инспектора.

но почувствовал резкую боль...

руки инспектору и Яцюку.

на разбитую легковушку.

ряк.

разница, сибиряк не сибиряк. Мы русские. Ты русский, я русский, и Яцюк русский, — сказал Лобанов, глядя на мясистого Яцюка, после чего все трое весело рассмеялись.

— Удачи вам, Лобанов Владимир, — сказал инспектор, протягивая документы

– Не беспокойтесь, доеду. Тут немного мне до дома осталось. А дома баня. Я бы пригласил вас попариться, но больно в бане петь люблю. Боюсь, не выдержите пения моего, жар выдержите, а пения нет. Ну, бывайте. – Лобанов пожал

Затем, махнув рукой, он направился в сторону своего большегруза. Через несколько шагов остановился, повернулся, чтобы в последний раз посмотреть

и делая акцент в имени на последний слог, - помощь нужна? Справитесь?

- А я вот из-под Подольска, - словно извиняясь, сказал гаишник, - не сиби-

- А что Сибирь, не Россия, что ли? - удивился Лобанов. - Россия. Какая

– Он вовсю тряс Лобанова. – Еду, гляжу, машина стоит средь дороги, подхожу, а в ней человек спит. Оказывается, меня караулит. Говорит, так, мол, и так. Я чаем его напоил и сразу же метнулся за гаишниками, в ГАИ, то есть, – поправился

– Все-таки вы сибиряки особенные. Надежные, – сказал человек в форме, – у меня тоже тесть сибиряк. Хороший мужик. Суровый, правда, но все равно хороший. А моя жена дочь его, красавица-сибирячка. Нигде таких красивых женщин не встретить, как в Сибири. А как могут любить сибирячки!.. – вдруг разоткровенничался он. – Я жене говорю: любите нас, а мы все одолеем, кулаки сожмем и одолеем! – Инспектор при этом сжал кулак. Кулак получился большой, но какой-то очень интеллигентный. За ним этот жест повторил Яцюк. Кулак его был огромный и мясистый, под стать физиономии. Лобанов тоже сжал кулак,

Володь, забыл чего? – спросил Яцюк.
 Попрощаться, – ответил Лобанов и зашагал к своей машине.
 Через две недели Яцюк навестил Лобанова в больнице. Пришлось посетителю немного подождать, так как затянулась перевязка. А в больничном вестибюле

Увидев Владимира, они весело приветствовали его. Потом говорили про рейсы, шутили, курили и... поочередно держали папиросу Лобанову.

А когда время посещения истекло, его друзья вышли на улицу и тоже курили, но молчали. «Отъездился, браток», – думал каждый из них о Владимире.

Лобанова из перевязочной ждал не только Яцюк, а и многие друзья-водители.

БУСЫ

Любой маленькой девочке мамины украшения в радость. Хочется быть такой же модницей, быть взрослой, иметь разноцветные бусы, сверкающие броши, браслеты и прочее, не говоря уже о губной помаде и высоких каблуках. А еще

хочется всё это одевать открыто, не таясь и не ожидая за ношение нагоняев. Однако пока приходится примерять все это тайно, а носить так вообще по великим дням, когда мама где-нибудь задерживается. При этом нужно обойтись с вещами

необходимо запомнить, как она лежит, и вернуть в точности на место. Если же мама поймет, что ее вещами пользовались, можно и по мягкому месту схлопотать. Все-таки взрослым жалко. Хоть и говорят, мала еще, испортишь губы, в по-

бережно, чтобы, не дай Бог, не испортить. К тому же перед тем как брать вещь,

маде одна химия. Это понятно, может, и вправду там какая-то мазь для детей непредназначенная. Но это про губную помаду. А про бусы? Что они содержат

непредназначенное для ребенка? Жадничают взрослые, вот и все тут. Заботой прикрываются. А как не жадничать-то? Вот, допустим, у иной маленькой девочки стоит только попросить дорогой ее сердцу фантик или календарик, не даст, не говоря уже о красивой заколке. Вдруг испортишь? И мамы из этих же соображений не дают – вдруг испортишь?

Ланочка Копылова очень любила наряжаться. Ее родители нещадно баловали. Ей доставалось всегда только самое лучшее. Но Ланочка была не совсем довольна.

Ее одевали в детские вещи, пусть красивые, пусть нарядные, но смешные, как

казалось девочке. Ну что это за шапочка на голове. Не шапка вовсе, а колпак, как у Буратино, еще и в полоску, еще и с кисточкой на конце. Нет бы шляпку какую. Она, конечно, говорила родителям про это, и не раз. Взрослые уверяли, что маленькая девочка будет смотреться в шляпке нелепо и очень комично. Ну и что же! Она потерпит этот смех. А в буратинку одеваться, разве не комично? Хоть у мамы имелось не так много украшений, тем не менее они оставались

под запретом. Особенно жемчужная нить. Мама восхищалась этим жемчугом, подчеркивала его натуральность, говорила, что нет ни одной похожей. Она одевала его в редких случаях или к вечернему платью, в отличие от Ланочки, гораздо чаще примерявшей это украшение. Красота переливающихся жемчужин завораживала, и девочка чувствовала себя маленькой принцессой. Зато у Ланочки имелась очень добрая тетя, жаль, жившая в другом городе.

Тетя Марина, не так давно окончившая школу, приходилась младшей сестрой отцу девочки. Марина была на выданье, и родители ей не отказывали в обновах, поэтому нарядов у девушки было не счесть. Как и любая другая молоденькая девчонка, она очень любила вертеться у зеркала, примеряя то одно, то другое

платье, костюм или бижутерию. Ланочка, бывая в гостях у родственников, никогда не пропускала эти моменты. Тетя Марина не только всегда советовалась с маленькой девочкой, но и разрешала ей кое-что примерить. Она даже не ругала племянницу, если та красила губы или душилась.

У тети Марины была роскошная копна темных волос. Она очень красиво укладывала их и обвивала бусами подобно модной тогда певице Валентине Толкуновой. Как казалось Ланочке, бусы на волосах смотрелись более изящно,

нежели на шее, поэтому девочка пыталась повторить подобный трюк, но у нее

ничего не выходило. После примерок все бусы складывались в деревянную шкатулку. Верхняя часть шкатулки украшалась посеребренной пластиной с цветочным орнаментом, внутри же изделие выстилалось темно-малиновым

бархатом. Шкатулка, выполненная вручную, была родом из Италии. Бусы хранились в ней самые разные. В форме палочек, рожек, лепестков, бочонков, шариков. Янтарные, из лунного камня, из дерева сандала, из яшмы, из сердолика, из кошачьего глаза... Было несколько колье – из крошки перламутра в

восемь нитей, лазуритовое, нефритовое. И если любимым украшением тети Марины являлось раухтопазовое колье, то Ланочке больше всего нравились лежали именно эти таинственные бусы.

Как говорится, бойся своих желаний. Через некоторое время бусы из чешского стекла, впрочем, как и все содержимое шкатулки, и впрямь стали принадлежать Лане. Однажды ночью в квартире раздался телефонный звонок. С его первых завываний сразу стало понятным, что произошла какая-то неприятность. Сонному

бусы из чешского стекла. Граненые бусинки фиолетового цвета, отражая свет, играли каждая своей мелодией, вместе составляя единый дружный хоровод. Ланочка брала бусы с придыханием, любовалась ими и никогда не примеряла. Они казались ей чем-то большим, нежели просто украшение. В каждой-каждой грани сквозила своя, интересная, никому неведомая жизнь. Эти бусы излучали волшебство. И из всех украшений на земле Ланочка хотела, чтобы ей принад-

Игорю Копылову сообщили, что его сестра погибла. Сгорела вместе с подругой в пожаре. Обстоятельства этой гибели так до конца и не будут выяснены. Ланочка с отцом ехали с похорон. Купе с ними делили две молоденькие де-

вушки – Таня и Зоя. Девушки учились на педагогов и возвращались домой после удачно сданной сессии. Обе в хорошем расположении духа, весело щебетали,

смеялись. Зоя, как показалось Ланочке, как-то по-особенному смотрела на ее отца. При этом она пыталась рассмешить его, рассказывая какие-то забавные истории из жизни. Когда же отец ради приличия улыбался, она поджимала губки и делала вид, что сердится.

– Экий вы серьезный! – кокетничала она. – Разве вам не смешно? Я когда

- Над чем? деловито спросила Ланочка, считая историю совсем несмешной и глупой, впрочем, как и соседку по купе, но тут же получила от родителя
- легкий подзатыльник. Не лезь в разговоры старших.

намерен. Так нет же! Сидит, выслушивает всякую чушь и виновато улыбается, оттого что ему не смешно. А Ланочке ровным счетом нет никакого дела до разговоров взрослых. У нее есть занятие поважнее. Она достала деревянную

- Ланочка насупилась. Из-за этой лупоглазой она еще и получила. А отец по-
- чему молчит, сказал бы, что едет с похорон сестры и смеяться сейчас вовсе не

рассказываю эту историю, все смеются.

шкатулку. После похорон бабушка подарила девочке на память о тете Марине золотые сережки и шкатулку с бусами. Ланочка поначалу даже не поверила такому подарку судьбы. Куда теперь это? – вздохнула бабушка. – Вот возьми, играйся...

Тем временем, покуда отец вышел в тамбур покурить, Ланочка удобно устроилась на купейной полке. Потом открыла шкатулку и высыпала ее содержимое на белую простынь. Таня и Зоя оживились.

- Ой, что это? Бусы! Какая прелесть! Ну-ка, покажи!
- Ланочка хотела было сказать, что она пока еще сама не насмотрелась, как
- в Зоиных руках оказалось одно из украшений. Эта Зоя Ланочке нравилась все меньше и меньше.
 - Авантюрин? спросила девушка.
 - Ланочка неуверенно кивнула. Она и сама не знала, из какого камня бусы.
- Авантюрин, авантюрин! со знанием дела сказала Зоя. И сразу же ко мне в руки, знает, что люблю авантюры, - неприятно засмеялась она.

- Разрешишь посмотреть? Таня была гораздо вежливее. - Да, - ответила Ланочка, уже испытывая гордость, что тем самым обратила
- внимание на себя взрослых девушек. - Я, в общем-то, предпочитаю благородный металл, - с долей презрения в

голосе произнесла Зоя, перебирая бусы, - но пару вещичек из этой коллекции

- А по-моему, они оригинальны все до единого. – Да брось ты! Дешевка, – не унималась Зоя, оспаривая подругу.
- Конечно, это не бриллиантовые колье, но и в самоцветах есть своя прелесть,
- заступалась за бусы Татьяна.

- Лана видела, что Зое нравятся бусы и смотрит она на украшения ярким,
- горящим взглядом, и чувствовалось, что говорит про них так нарочно. Только
- непонятно, зачем.

хотела бы заиметь. На повседневку.

- Девочка выслушала обидные речи, после чего стала собирать бусы.
- Подожди, подожди, попросила Зоя.
- Лана молча продолжила складывать украшения в шкатулку. Бережно. По-
- одному.
- Мы еще не досмотрели, подожди, нахально сказала Зоя. Или тебе жалко?
- Лана, ни слова не говоря, продолжала убирать бусы. За этим занятием её застал отец, вернувшийся из тамбура. От него пахло одновременно табаком и
- свежим морозным воздухом. – Жадничает ваша дочка, – пожаловалась Зоя Копылову.
 - «А ты ябедничаешь», подумалось Ланочке.
 - Что такое? – Просим посмотреть бусы, не дает.
 - Отец вскинул бровь и уставился на Лану.
 - Ты это чего? Дай посмотреть.
 - Не дам, заупрямилась девочка, они смотрели уже.

 - Пусть еще посмотрят.

 - Им уже хватит.
 - Пусть смотрят, сколько хотят. Тебе жалко, что ли, этих побрякушек?
 - Лане было и жаль, и обидно. Обидно за тетю Марину, которая так любила
- эти все, как выразился отец, побрякушки.
 - Не жадничай! Лана положила шкатулку на столик и, отвернувшись, стала смотреть на
- деревья и столбы, мелькающие за окном поезда.
- Девушки же были вновь оживлены перебиранием бус из деревянной шкатулки.
- Хорошенькие какие! Вот эти бы к моей открытой новой блузе подошли. А эти бы к моей водолазке.
 - Отец Лены тоже сидел молча и смотрел в окно.
 - Лана, подари Тане и Зое по бусам, неожиданно приказал он.
 - Девочка в первую секунду подумала, что ослышалась.
 - Ты слышала, что я сказал?
 - Лана посмотрела на родителя с негодованием.
 - Нет! выпалила она.

- Я прошу, пусть им будет память о Марине. Выбери любые двое бус и подари. Нет! – Лана была непреклонна.
 - Ей самой память о тете Марине нужна не меньше, чем этим двум студент-

- Ах, так! психанул отец, глядя на дочь, сопротивляющуюся его просьбеприказу, после чего схватил первые попавшиеся бусы из шкатулки и протянул
 - Берите, это вам.

Тане.

- Нет, нет, что вы, залепетала Татьяна, не надо. Спасибо.
- А отец уже доставал другие и протягивал Зое. Взглянув на них, Лана обмерла. Это были ее любимые, фиолетовые, из чешского стекла.
- - Нет, только не эти! чуть не заплакала девочка.
- Эти, эти, радостно сказала Зоя, схватив самые загадочные бусы на свете, самые волшебные и самые таинственные.
- По приезде домой Лана отказывалась общаться с отцом, впрочем, и родитель
- не жаждал разговаривать с ней. На вопросы Ирины Копыловой, что произошло между отцом и дочерью, оба уходили от ответов. А когда Ирина хотела было от-
- крыть привезенную дочерью шкатулку, девочка выхватила ее из рук матери.
- Я сейчас вышвырну эту шкатулку, вспылил Копылов, совсем уже совесть потеряла. Что ты схватилась за эти безделушки? К тому же мала еще носить их. Не знаешь, что ли, что это для взрослых?

– У вас всё для взрослых! Всё! – закричала Лана. – Вам взрослым всё позволительно! Красить губы, носить бусы, попрошайничать их, отдавать их без

- спроса! Вам даже умирать разрешается! Ну и вышвырните! Не нужна она мне! С этими словами Лана бросила итальянскую шкатулку на пол, и даже не взглянув на выпавшие из него бусы, бросилась прочь из комнаты.
 - Не ходи за ней! громко сказал Копылов жене.
- Если человек зол на весь мир, значит, его сильно обидели в детстве, сказала мама Ланы.
- Ирина подняла шкатулку, собрала в нее украшения. Когда она вошла в комнату дочери, девочка лежала на кровати и смотрела в потолок. Разговаривать
- дочь не желала. Ирина положила шкатулку на прикроватную тумбочку и вышла. К шкатулке Лана так и не притронулась. С этой минуты они с отцом не разговаривали.
- Этим же вечером Ирина попросила дочь сходить в магазин за хлебом. Лана молча оделась, взяла деньги, пакет и вышла. Прохожих на улице было так же
- много, как и снежинок, снующих во все стороны. Проходя мимо ларька с хотдогами, Лана обратила внимание на девочку. Несуразно одетая, в мешковатом пальто и в армейской шапке-ушанке, надвинутой на глаза, в грязных руках она держала булку, наверняка сунутую кем-то из сердобольных покупателей хотдогов, и жадно откусывала. Никогда раньше Лана не обращала внимания на
- нищих. Через несколько дней у Копыловых дома собрались все девочки Ланиного класса. Третьеклассницы решили сделать сувенирные открытки мальчишкам на приближающийся праздник 23-го февраля.
 - Ой, что это? спросила одна из девочек, взяв в руки шкатулку.

 Шкатулка, – равнодушно ответила Лана. Одноклассница произнесла «шедевр» и открыла крышку. Увидев содержимое,

тотчас закатила глаза. Девочки, гляньте! И тут же вокруг нее столпились одноклассницы, склонились над шкатул-

- кой.
 - Это мамино?
 - Нет, мое, всё так же равнодушно ответила Лана. Ух, ты! – Девчонки с завистью разглядывали бусы.
- Мне бы такие, сказала одна из них, примерив изделие из тигрового гла-3a.
 - А можно? Тебя не заругают?

Бери, – сказала Лана.

- Нет, не заругают.
- И мне, и мне! закричали девочки. А нам можно?
- Можно, спокойно произнесла Лана, берите, кто какие хочет.
- Девчонки начали выбирать себе бусы, иной раз хватаясь за одни и те же. А
- Лизка Удалова с Катькой Вагановой тянули-тянули лазуритовые, да и порвали. Бусинки, падая и цокая, разлетелись по полу.
 - Давайте уже открытки делать, грустно сказала Лана.
- Наконец все бусы разобрались третьеклассницами, и шкатулка вернулась на место, но уже без своего содержимого.

Когда открытки были изготовлены и довольные одноклассницы с бусами-

- подарками ушли домой, Лана долго сидела за столом и мастерила. Она делала еще одну открытку, ведь в этот день был канун праздника всех мужчин. Закончив трудиться над открыткой, девочка вписала в нее детским, но аккуратным почерком поздравление. Затем она открыла шкатулку и положила открытку на
- темно-малиновое лежбище. На следующий день, как только Лана вернулась из школы, мама пригласила всех к праздничному столу. Лана зашла в свою комнату за подарком отцу. Она

открыла шкатулку. На покоившейся на дне открытке лежали... бусы. Да, да, бусы. Из чешского стекла. Серебристого цвета.

ЗАЙЧИКИ

Не всегда в кассах бывают билеты в нужном тебе направлении. Особенно в предпраздничные дни. Народ стремится общаться. И это прекрасно. Двум сестрам Тоне и Маргарите Бабочкиным срочно нужно было выехать из Москвы в

Тюмень. В столице девушки учились, а главный город Западной Сибири являлся

их исторической родиной. Сестрам во что бы то ни стало, крайне необходимо было очутиться в Тюмени. Тамошнее дело не требовало отлагательств. Речь шла о наследстве. Почти полгода назад почила их родственница, имевшая небольшую квартирку в центре города со всеми удобствами и с видом. Ближайшими

родственниками умершей женщины являлись сестры Бабочкины. Им предстояло вступить в наследство. Они по своему незнанию думали, что делается это через полгода после смерти. Да, несомненно это так, но чтобы вступить в о Тамаре Ивановне.

какой-то долг.

раз никого не будет.

ли, что Тамара Ивановна сейчас находится в рейсе и в данный момент она в Москве. К радости сестер даже объяснили, как ее найти. Тамара Ивановна и сама обрадовалась, увидев Бабочкиных. Они объяснили ей ситуацию и попро-

сили о помощи. Та повздыхала, поохала, узнав, что их драгоценная тетушка, приходившаяся Тамаре Ивановне одноклассницей, скончалась. Даже малость всплакнула. И так как Тамара Ивановна была в тот момент начальницей поезда, следовавшего завтра, седьмого марта, через Тюмень, сестры набрались наглости и рискнули напроситься в пассажиры. И Тамара Ивановна проявила неслыханное благодушие. Она не только согласилась взять их на борт, но и заявила, что сможет провезти бесплатно. Мол, у нее перед умершей остался

С Тамарой Ивановной они когда-то жили в одном доме, даже в одном подъезде, но сейчас не это было главным. Тамара Ивановна всю жизнь служила начальником в фирменных поездах. В старой записной книжке оказался номер ее тюменского домашнего телефона. Когда Бабочкины позвонили, им сообщи-

наследство, необходимо до того, как не прошло полгода со дня смерти, подать заявление о наследовании. Об этом они узнали только вчера. А полгода истекали ровно через три дня. У них оставалось времени только на то, чтоб доехать и

Ни на шестое марта, ни на седьмое билетов не было. Только на восьмое. Это поздно, так как в Тюмени нужно быть девятого. За день поезд не домчит, как его ни упрашивай. Был, конечно, из этой ситуации дорогостоящий выход – лететь самолетом, но Тоня панически боялась отрываться от земли и подниматься в воздух. Что делать? Решения не виделось. Перебирая своих знакомых, которые могли бы оказаться полезными в этом деле, сестры Бабочкины вдруг вспомнили

сразу к нотариусу без промедления. Иначе дело могло затянуться.

визоры? - Во-первых, проверки не всегда, да и праздник тут намечается. Во-вторых, если ревизоры все-таки нагрянут, я об этом узнаю заранее. – Тамара Ивановна подмигнула сестрам. - Службы работают. И я вам тогда выпишу билеты с той станции, где они сядут. Это будет гораздо дешевле, чем вам сейчас покупать

- Нынче у меня целый вагон пустой! В нем обычно звезды ездят. А в этот

- А как вы нас бесплатно провезете? - недоумевали сестры. - А вдруг ре-

купишь. Их разговор прервался, так как Тамару Ивановну окликнули, и она ото-

билеты на мой совсем недешевый поезд. Да и билеты сейчас днем с огнем не

шла.

- Странно, сказала Тоня.
- Что странно? спросила Маргарита. – А то, что нам эта поездка ничего не будет стоить.

А точно места будут? – волновались Бабочкины.

- Меня это тоже настораживает, призналась Марго, думаешь, подвох
- какой?
- Не знаю, вроде бы Тамара нормальная тетка, не думаю, что по приезде она вдруг цену заломит. Сразу бы и сказала, пока мы не отъехали. Может, действительно помочь хочет, по старой памяти.

Антонина.

- Так это когда было, вздохнула Марго. - Память не железо, от старости не ржавеет, - с умным видом произнесла
- Все-таки давай еще раз уточним у нее, вдруг мы чего не поняли. – Да, но если так оно и есть, Тамару надо будет отблагодарить, к тому же

восьмое марта на носу.

Тем временем вернулась их благодетельница.

- Тамара Ивановна, и все-таки что нам будет это стоит? - Тоня сделала вид,

что готова нырнуть в сумку за кошельком.

– Вагон вымоете мне тщательно, – таковым был ответ начальницы поезда.

На следующий день Бабочкины явились на Казанский вокзал в положенный

срок. Тамара Ивановна встретила их с не меньшей радостью, чем вчера. Вагон,

куда их провела начальница поезда, был, что называется, свежевыстиранным.

Белые накрахмаленные шторочки гордо занавешивали прозрачнейшие стекла

окошек купе. Фарфоровая посуда позвякивала, впечатляя своим тонко писанным

узором. Ковровые дорожки мягким ворсом ласкали подошвы. Едва уловимо

пахло ванилью.

- Какую тут уборку делать? - изумились сестры. - И так блестит всё!

Тоня и Маргарита расположились в одном из купе. - Хорошо здесь, уютно, - промолвила Тоня, включив лампу с абажуром.

- Не то слово, - согласилась Маргарита, - поезд-то фирменный.

– По-моему, этот вагон называется штабным. - Ну, конечно. Здесь и начальник поезда, и радиоточка. А в целом, такой же ку-

пейный вагон, - сказала Маргарита, откатывая дверь и выглядывая в проход. Поезд тронулся, перрон остался.

– Люблю в поездах ездить. – Тоня с жадностью смотрела на убегающие за окошком дома на окраине города. – А я спать люблю в поездах. Убаюкивает меня мерный стук колес. – Мар-

гарита зевнула. Расположились, красавицы? – В их купе вошла начальница поезда.

Бабочкины дружно закивали. - Тогда отдыхайте, я к вам попозже загляну. Кстати, девчонки, у вас много

вешей?

- Нет, немного, - замотали головами сёстры.

- Оставьте самое нужное, а остальное отдайте мне. Мало ли чего.

Чего мало ли? – удивилась Тоня. – Своруют? Так мы не взяли ценности.

- На случай проверки. Я тут подумала, - сказала Тамара Ивановна, понизив

голос, – что вас в случае чего, понимаете, о чем я, можно будет спрятать. - Где? - насторожились сестры.

Наверху.

– Где наверху? – переглянулись Бабочкины. – На крыше, что ли?

– Над дверью.

Тоня и Маргарита тотчас взглянули поверх купейной двери. Там зиял дырой довольно большой отсек для габаритных вещей.

- Разве мы туда поместимся? - изумилась Тоня. - Ты-то точно впихнешься, - незлобно засмеялась Тамара Ивановна, вы-

ходя.

кины были дружны.

спрашивала их о жизни, о родителях. Вспоминала те времена, когда они жили в одном подъезде. - Надо же, как время летит! Я помню, как вы под стол пешком ходили, а уже вон какие невесты вымахали!

Через какое-то время пришла Тамара Ивановна. Она довольно долго рас-

Смех ее был понятен. Несмотря на то что сестры родились друг за другом через год, они выглядели совершенно противоположно. Их как будто бы и назвали соответственно внешнему виду. Тоня, старшая, поражала всех своей стройностью, даже некоторые считали ее излишне худощавой. В отличие от сестры Маргарита была девушкой крупной, раскидистой. Антонина в шутку звала её Маргариной. На что Марго отвечала, что хорошего человека должно быть много, и с ехидством смотрела на тощую Тоню. В целом же сестры Бабоч-

- А вы, тетя Тамара, совсем не изменились! - Так уж и не изменилась... Зеркало-то не врет. Седые волосы да морщины

одолевают. Скоро пятьдесят один стукнет. До пенсии бы дотянуть. А ведь

больная вся. Тамара Ивановна задумалась.

– Хотя, чего Бога гневить-то. Потихоньку скрипим да живем, а вот тетушка ваша... Что произошло-то, вы мне так толком не рассказали.

 Инфаркт. В больнице умерла?

- Нет, дома, соседи нашли её.
- Бедная Люся, бедная, а ведь такая молодая. Пятьдесят ведь ей было?
- Пятьдесят, кивнула Тоня, в октябре пятьдесят один должно было ис-
- Да знаю я, знаю. Я на полгода ее младше. Мы ведь с ней в одном классе учились.
 - Вы говорили, напомнила Маргарита.

 - Мы даже дружили с ней в школе. И после школы тоже. А потом, Тамара

Ивановна замолчала, – она ведь так замуж не вышла?

- Нет.

полниться.

И детей не было.

наш отец, тоже.

- Не было, подтвердили сестры, у нее вообще никого не было, кроме нас.
- Бабушка с дедушкой, то есть родители тети Люси, умерли уже давно. Ее брат,
 - Вы-то хоть с ней общались?

 - Конечно! Мы с ней были в прекрасных отношениях, созванивались, в гости
- ходили. Она хорошая, сказала Тоня и добавила: Была. – Да... – протяжно выдохнула Тамара Ивановна.
 - Так значит, вы едете наследство оформлять, продолжила разговор гостья
- в купе.
 - Да, кивнули сестры, правда, успеть еще надо его оформить.
 - Квартира-то хорошая?
 - Нормальная. В центре.
 - По Мира, что ли? Так она там с родителями жила, когда в школе училась.

вот нам достается, как переходящее трудовое красное знамя, - уныло усмехнулась Тоня. - Жаль, конечно, ее. - Разумеется, Тамара Ивановна имела в виду свою одноклассницу. - Эх, знала бы Люся, а может и знала, что Васька оказался

таким стервецом. И пил, и гулял, и... – она махнула рукой, – мерзавец одним

- Да, это бабушки с дедушкой квартира, потом там тетя Люся жила. Теперь

- словом. А кто такой Васька? – сестры в недоумении переглянулись. - Муж мой. Разве не помните?
 - Ах, Василий Степанович! Как же не помнить, помним.
 - Правда, он с недавнего времени уже бывший. Еле отвязалась. Как я и на-
- мучалась с ним, если бы вы знали. Все семью спасала, отца детям сохраняла.
- все нервы мне вытрепал... На глазах женщины появились слезы. Работой только и спасалась. Здесь меня любят, уважают. Даже часы именные министр путей сообщения лично вручил на день железнодорожника.

А что толку? И счастья все равно не было, и сама вся больная, этот придурок

- Здорово! - восхитились сестры.

тором замешательстве от рассказанного.

- Зато дома сплошной бардак. Ни уважения, ни любви, с горечью произнесла Тамара Ивановна.
- А почему вы сказали «знала бы Люся»? неожиданно спросила Тоня и посмотрела на сестру. Маргарита тоже посмотрела на Антонину, но с большой укоризной.
 - Тамара Ивановна горько вздохнула. - Пойду-ка я. Засиделась с вами. А я ж на работе. Пойду, состав обойду. Начальница поезда пошла по своим рабочим делам, оставив сестер в неко-
 - Ты думаешь, она увела у тетки мужика? спросила Тоня.
 - Ты глупая, что ли? удивилась Маргарита. Неужели не понятно?
 - А ведь мы ничего и не знали, хотя жили с ней в одном подъезде.
- Родители-то, поди, знали, возразила Маргарита сестре, только нам не рассказывали. А что ее Васька пьет, так всему подъезду известно было, и тетя
- Люся наверняка знала об этом. Мать с отцом рассказывали ей. Кстати, и у них с Тамарой довольно прохладные отношения были. Так, здрасте - до свидания. Не более. Из-за теть Люси, наверное. Вспомни-ка!
 - Вот ведь как, задумалась Антонина, и у Тамары жизнь не сложилась,
- и тетка одна осталась. Да... – И не говори. Не уведи она этого Василия у теть Люси, может, все счастливы были. И тетка со своим Василием и Тамара. Может, и Василий не пил бы так.
- И тетушка бы сейчас была жива.
 - Слушай! вскипела Антонина. Выходит, мы сейчас предатели?

 - Почему это ещё? - Как почему? Тамарка, получается, всю жизнь нашей тетке испортила. Мо-
- жет, они ненавидели друг друга всеми фибрами души. Может, они всю жизнь врагами были. Может, тетка в гробу сейчас вертится, как на вертеле, видя, что мы прибегли к Тамаркиной помощи?
- Да что ты заладила может, может! пришла очередь вскипать Марго. Конечно, может! И что? Ты предлагаешь сойти на первом же полустаночке?

– Подло - не подло, кто знал. Давай спать.

такая статная. Ходила, словно в орденах и медалях вся.

уставившись в угол.

рить.

чется.

- Да, потрепала ее жизнь, видать, - согласилась Антонина с сестрой, - и похудела сильно. Раньше-то была такая пампушечка, еще толще тебя.

– Подло как-то по отношению к теть Люсе получается, – сказала Тоня,

- А Тамара изменилась, - заговорила первой Маргарита, - раньше-то была

- Ну, не всем же на себе одни кости таскать, - с вызовом сказала Бабочкина-

Сестры выключили свет и улеглись, спинами друг к другу.

младшая, приготовившись вступаться за свой вес. Антонине сейчас не хотелось подзуживать сестру, ее мысли роились совсем в другом направлении. Она привстала, включила ночник и стала жарко гово-

– Мне все стало ясно. Тамара нас взяла на свой поезд для того, чтобы хоть как-то вину загладить перед теткой. Она чувствует себя виноватой, это же читается по ней. К тому же мы сразу сообщили ей, что тетушка умерла, она поняла, что никогда не сможет повиниться перед ней. Мы Тамаре, может, специально

- упали, чтобы она хоть как-то искупила вину перед нашей теть Люсей. Случайностей не бывает.
- Да, согласилась Марго, случайность частный случай закономерности.
 - Значит, мы едем за счет тети Люси, подытожила Антонина. - Выходит, что так, - Марго сладко зевнула, - и давай спать, а то есть хо-
- Поезд шел плавно, не спеша, словно боясь разбудить спящих неожиданным рывком. Тоня время от времени просыпалась, думая о своей тетушке и ее однокласснице. Марго же спала сном богатыря. Крепким и беспробудным. В купе

было уютно и тепло, в вагоне тихо. Неожиданно громко ляцкнула дверь. Сестры одновременно резко сели на

своих спальных местах. - Девочки, проверка! Ревизоры. Быстро соберите постели. - Тамара Ивановна

- хоть и пыталась скрыть волнение, но это удавалось ей с трудом. Бабочкины вскочили и судорожно начали стягивать белье.
 - Где они? спросила Маргарита, снимая наволочку с подушки.
 - Мне сообщили, что сейчас на станции войдут. Станция через двенадцать
- минут.

Сестры заторопились.

- Принесла же их нелегкая, сетовала начальница, сидели бы, отмечали себе спокойненько восьмое марта!
- С праздником вас, Тамара Ивановна, произнесла поздравление Тоня, явно не вовремя.
- Потом, девочки, потом поздравляться будем! отмахнулась от поздравлений Тамара Ивановна. - Со стола уберите. Под сиденьем достаньте все вещи. Давайте мне их сюда, – распоряжалась она.

Она окинула взглядом купе. Нет, следов пребывания человека здесь не виделось.

- За мной, - скомандовала начальница поезда.

придется размещаться, - такое же купе, как и у нас. Мы что, в своем не могли спрятаться? Или здесь места больше над дверью. - Там человечьим духом пахнет, в вашем купе. Едой и косметикой.

– Я не поняла юмора, – Тоня недоумевала, оглядывая отсек, где им сейчас

Девушки покорно пошли вслед за Тамарой Ивановной. Она открыла дверцу одного из купе и впустила туда сестер. Это было ничем не отличающееся место

Маргарита толкнула сестру, мол, хватит рассуждать, полезли уже. Первой

от того, где они еще до недавнего времени мирно посапывали.

- Наверх, - приказала Тамара Ивановна.

В отсек? – спросила Маргарита.

Тамара Ивановна кивнула.

взобралась Маргарита. В этот момент поезд как раз замедлял ход.

– Девчонки, станция. Я побежала. Прячьтесь, да побыстрее. И чтобы ни гугу.

Авось пронесет. Начальница поезда, захлопнув дверь, быстрыми шагами пошла к выходу из вагона.

Тоня вслед за сестрой быстро взобралась к отсеку. Маргарита лежала на

правом боку, прижавшись спиной к стенке. - Давай валетом, - прошептала Марго.

- Тихо ты! - нервно сказала Тоня. - А как тут еще? Не тузом же!

– Да лезь ты уже! Стоит там, треплется, – негодовала Бабочкина-младшая. Вовсю была слышна веселая речь с перрона.

- Хорошо бы они были поддатые в честь праздника, добрые и не пошли бы ни с какой проверкой, - запричитала Маргарита.

- Ты можешь замолчать? Слышно ведь все! - Тоня устраивалась на правом

боку, прижимаясь к сестре всем телом. Ее лицо было аккурат в ногах Марго, впрочем, как и лицо сестры в ногах у нее.

– Ноги тут целуй ей, – проворчала Маргарита.

- Я ведь сейчас лягну, - прошипела Тоня, - хочешь Тамару подвести? Лежи

молча!

весело. Слышались мужские голоса вперемешку с женскими, шутили, смеялись. Раздавался звонкий смех Тамары Ивановны. Что-то говорилось про восьмое

В отсеке воцарилась полная тишина. Зато в вагоне, в самом его начале было

марта, которое уже наступило часа три назад. - Тамара-то там соловьем заливается, - прошептала Тоня, - специально, на-

верное, умасливает их.

- Может, обойдется все же, - с надеждой в голосе сказала Марго, - похохочут,

да и уберутся восвояси. - Хотелось бы, - проронила сестра.

Лежать было неудобно, к тому же становилось душно.

- Тебе никак не отодвинуться? - тихонько спросила Маргарита. - А то я сейчас эту перегородочку выжму и прямо в проход на голову ревизорам свалюсь.

- Куда я тебе подвинусь, - возмутилась Тоня, - еще миллиметр, и я сама из

этого отсека вывалюсь. Втяни живот! – Не дави мне на живот! – едва сдержалась Марго, чтобы не завопить. – В

туалет хочется. - Ничего я не давлю. А ты не дыши мне в ноги. Щекотно! – А куда мне дышать прикажешь? В себя? - Куда хочешь. Говорю же, щекотно! - и с этими словами Тоня чуть надкусила

проходу, заглядывали в каждое купе.

было одно - как бы ни попасться.

- мизинец Марго. - Ой! - взвизгнула от неожиданности младшая Бабочкина. - Обалдела, что
- ли? рассердилась она.
- Неожиданно и совсем некстати на Тоню напал смех. Она лежала, уткнувшись в ноги сестре и давясь этим смехом. Очень трудно смеяться беззвучно, когда
- тебя распирает. Но в тишине каждое безмолвное всхлипывание словно звуч-
- ный удар сочного грома. Марго же, наоборот, было не до смеха. Она злилась на
- сестру, которая могла их выдать, так как слышалось, что по проходу шли люди. Их задорный смех будоражил покой вагона. «Может, обойдется», - думалось

Маргарите, в отличие от сестры, которой, похоже, в этот самый ответственный момент ни о чем не думалось. Она смеялась, мелко сотрясаясь своим худосочным

- телом. Марго со всей силы сжала Тонины ноги. Ей так и хотелось отвесить грубое словечко старшей сестре, но чувствовала, что от ее назидания будет только хуже. Тонька разразится неистовым смехом. А между тем веселые люди, шедшие по
 - Говори, Тамара Ивановна, где зайцев прячешь! шутили они.
 - Да упаси Бог зайцев возить, ребята, вы что! смеясь, отвечала начальница
- поезда. «Правильно делает, веселит ревизоров, располагает к себе», – в мыслях Марго
- Неужто вислоухие не попадутся? Вот досада! шумели в проходе. Да они, кажется, выпившие! Может, и впрямь пронесет, не будут так тща-
- тельно проверять каждое купе. Только бы Тонька не испортила все дело, того и
- гляди, что сейчас прыснет. По мере приближения ревизоров страх младшей Бабочкиной возрастал. Враги
- были в трех купе от них. А Тоня по-прежнему не унималась. У нее от смеха на глазах даже выступили слезы.
- Тоня, уймись, прошу, тихо-тихо и жалобно попросила сестра. После этих слов старшая Бабочкина неожиданно стихла. Чтобы больше не
- смеяться, она больно-больно ущипнула себя за щеку. И это подействовало. Борясь
- с новой волной смеха, она стала представлять, будто они с сестрой прячутся от немцев. Один чих, вздох не вовремя, и всё – твоя участь и участь сестры решена.
- В Тонином воображении рисовалась страшная картина. Не ревизоры там рыска-
- ют по вагону, а немецкий патруль. И ищут они именно ее, Тоню. Она старшая. Она командир. В Красной армии солдаты были стрижены под ноль, офицеры же
- ходили с волосами. Сейчас все наоборот. У нее, командира красной армии, Антонины Бабочкиной была короткая, почти мальчишеская стрижка. У младшего
- по званию, рядовой Маргариты Бабочкиной волосы ниспадали с плеч. Поэтому, если Тоня хоть одним вздохом выдаст их, Маргарите не поздоровится. Ее примут за офицера и расстреляют. А сначала их будут бить прикладами, а может,
- сразу отдадут на растерзание лютым овчаркам. Кто знает, сколько им жить-то осталось, возможно, совсем немного. Нет! Нужно бороться! Но смогут ли они
- оказать сопротивление, бежать? Навряд ли. Судя по голосам, фрицев там четверо. Рыщут, принюхиваются. У одного вон как сапоги блестят, новые, из хорошей кожи. Скорее всего, нет, не новые сапоги, простой солдат он. Чтобы эффектнее

пронзительный луч фонаря.

жали ни живы ни мертвы.

спуск сверху.

Человек еще несколько раз проскользил фонарным светом по купе, а затем выключил фонарь. «Ура!» – преждевременно возрадовалась Тоня, но в тот же миг луч фонаря

Все-таки попались... Тоня и Маргарита, вжатые от страха друг в друга, ле-

– Подъем, зайцы, – почему-то на чистейшем русском сказал немецкий офи-

В купе вошел человек, остальные в проходе гоготали на мускулистом вражеском языке. Луч фонаря медленно огибал периметр крошечного вместилища.

были удары, этот простой солдат, перед тем как идти патрулировать, намазал сапоги «черной» пастой, потом довел до блеска, поэтому и выглядит кирзовый сапог, будто только с обувной фабрики. А вот на офицере действительно новые. Лицо-то какое у офицера неподвижное. Он не балагурит в отличие от других. Подозрительно вглядывается в каждую мелочь. Распростертого фашистского орла поглаживает на груди. Идейный немец. У такого пощады не выпросишь. Тоня в ужасе жалась к сестре. К их купе подходили. Не дыши, Тонечка, не дыши! Дверь с грохотом открылась, и темное маленькое пространство осветил

цер. Сестры продолжали лежать, не шевелясь. – Да чего уж там! – притворно засмеялась начальница поезда. – Вставайте, приехали!

Тоня, еле шевеля затекшими конечностями, неспешно принялась выполнять

– Лежи, – успела шепнуть она сестре. - Ну что, зайчики, прокатились в трамвайчике?

пришелся прямо ей в лицо. Она зажмурилась.

Хенде хох! – словно выстрел прозвучал голос фрица.

Тоня стояла, опустив голову, стараясь не смотреть на ехидного ревизора.

- Спускайтесь, мадам! - это относилось к младшей Бабочкиной, все еще на-

ходящейся в нише.

Маргарита, спускаясь, грузно плюхнулась на пол.

– Что ж вы там-то ездите? Без комфорта, без удобств.

Сестры молчали, зато все остальные заливались истошным смехом. В том

числе и Тамара Ивановна.

– И что прикажете с вами делать? Вот мы вас сейчас за нос да на мороз.

– Ладно уж, будет вам моих девчонок стращать, – сквозь смех сказала Тамара

Ивановна. «Конечно же, сейчас Тамара Ивановна что-нибудь придумает», - пронеслось

в головах сестер.

Да расслабьтесь вы! Чего так головы вжали? – обратилась к Бабочкиным Тама-

ра Ивановна. – Не видите разве, что это никакие не ревизоры, а проводники наши.

Сестры недоверчиво посмотрели на «проверяющих». – Поверили, да? – больше всех и громче веселился тот, что с фонариком.

Бабочкины кивнули.

– Да мы разыграли вас! Здорово получилось!

Тоня с ненавистью посмотрела на этот громкоговоритель. Треснуть бы ему по шее за такие шуточки. Сколько они страху натерпелись.

- Ладно, девчонки, не обижайтесь! Без шуток жизнь глупа. А с глупыми шутками вообще невыносима, – огрызнулась Тоня. - Девочки, я тут ни при чем, - сказала Тамара Ивановна, - это моим архаров-
- визоров. Зайчики, мы мигом, не разбегайтесь.
 - Троица, состоящая из двух мужчин и одной девушки, удалилась. – Это ведь точно не ревизоры? – Тоня посмотрела в сторону уходящих.

- Сейчас будем искупать вину перед дамами! - сказал один из мнимых ре-

цам, несмотря на праздник, жить скучно.

Тоня.

обще, гоните их взашей!

- Какие ревизоры, махнула Тамара Ивановна, говорю же, проводники

- А ревизоры?
- А ревизоры сказали, что не пойдут проверять. Да куда им там с проверками,
- еле лыко вязали. Я думаю, никаких проверок и не будет. Кому охота в праздник
- работать. Мне если только, вздохнула начальница поезда. Ну да ладно. А вы ступайте в свое купе, я позже принесу ваши вещи. – И Тамара Ивановна бодро
- зашагала по проходу. Сестры вскоре вновь обосновались в своем купе. На всякий случай прихоро-
- шились. А через некоторое время пришла та самая троица, что их разыграла. - Никита. Будем знакомы, - сказал молодой человек, который предложил
- искупить вину и теперь выставил на стол бутылку конька. – Емельян, – гордо выговорил имя тот фашист с фонариком. – Не Пугачев.
 - Маргарита. - А где ваш мастер?
 - Я сама себе Пигмалион.
 - Лена, назвалась девушка из компании проводников.

 - На столе помимо коньяка один за другим стали появляться контейнеры со
- всяческой снедью, которые доставали из пакета Никита и Емельян, приговари-
- вая при этом, что у них в ресторане хорошо готовят. В купе запахло весельем и
- апельсинами, столичным салатом, котлетами по-киевски, колбаской. В воздухе
- витал нежный аромат фиалки от французского коньяка «Лотрек». Лились рекой
- поздравления с международным праздником восьмого марта, шутки, веселье и смех.
- Пару раз заглядывала Тамара Ивановна, узнавая, все ли в порядке, и просила общаться чуть потише.
- А на кого же вы бросили своих пассажиров? спросила Тоня. На произ-
- вол судьбы?
 - Как можно! На сменщиков. Мы всё. Отработали. Как говорится, сделал
- дело гуляй смело. Молодые люди иногда выходили курить. Приходя, говорили, что к ним уже
- полбригады просится отмечать праздник. – И что вы им сказали? – поинтересовалась Маргарита.
 - Сказали, что купе не резиновое! Да и самим уж нечем праздновать. Хорошо,
- что скоро станция, ответил Никита, как раз на ней и затаримся.
- Вы смотрите, добавил Емельян, обращаясь к девушкам, придут, будут сказываться ревизорами - не верьте! Это наши, им шутка понравилась. А во-

Через некоторое время состав действительно остановился. Было слышно, как объявили, что отправление их поезда через пятнадцать минут.

– Мы мигом, – сказал Никита.

Емельян и Никита стремительными шагами направились к выходу, чтобы за время стоянки поезда купить цветов и горячительного. Лена тоже вышла по делам, сказав, что скоро придет.

Ребята задерживались. Девушки уже начали волноваться.

– Да где же они? – спрашивали они друг у друга, встревоженно смотря в окно.

Наконец раскрылась дверь купе. На пороге вместо Никиты и Емельяна стояли двое незнакомцев - мужчина и женщина.

– Предъявите ваши билеты, – попросили вошедшие.

Девушки дружно засмеялись. Мужчина с женщиной переглянулись. - Коньячку? - предложила Марго. - Правда, у нас тут пара капель осталась.

Ребята сейчас принесут. – Нам вообще-то было велено гнать вас взашей, – сказала Тоня, – но места всем хватит. Проходите, - пригласила она незнакомцев. - Сейчас действительно

ребята придут. Ну, где же они? – Девушка повернулась в сторону окна. – Предъявите билеты, – строгим голосом сказал вошедший. Тем временем в проходе за их спинами возникли Никита и Емельян. В руках

одного были цветы и бутылка «Артемовского» шампанского. В руках другого бутылки с вином. - Ребята, наконец-то! Что же вы так долго? - накинулись на них девушки. - Кстати, тут ваши пришли! Билеты требуют. Ну, какой снаряд дважды в одну

воронку стреляет?! Вот смешные. Так мы им и поверили! - И Бабочкины заливисто засмеялись.

Однако из четырех пришедших никто даже не улыбнулся. И после тяжелого вздоха Никиты Емельян мрачно произнес: – Не наши это. Не наши...

